1.0.
12552
404

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
подъ редакціей А. П. Нечаева.
Выпускъ II.

7605

Габріэль Компейре.

ПЕСТАЛОЦЦИ

и

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ
С. М. Виноградовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. И. Пейкеръ.
1904.

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
подъ редакціей **А. П. Нечаева.**
Выпускъ II.

Габріэль Компейре.

ПЕСТАЛОЦЦИ

и

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ
С. М. Виноградовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. И. Пейкеръ.
1904.

Дозволено цензурою 19-го марта 1903 г. С.-Петербургъ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ПЕСТАЛОЦЦИ.

Одинъ нѣмецкій авторъ, докторъ Магеръ, сказалъ, что Песталоцци слѣдуетъ изучать по Гербарту; вѣроятно, по аналогіи съ Сократомъ, котораго изучаютъ по Платону. Дѣйствительно, для того, чтобы прослѣдить философское развитіе нѣкоторыхъ идей Песталоцци, можетъ быть, слѣдуетъ обратиться къ Гербарту. Послѣдній посѣтилъ Песталоцци въ 1799 году въ его школѣ въ Бургдорфѣ, видѣлъ его за работой. Нельзя также отрицать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ принципы метода Песталоцци дали ему общее направленіе. Объ этомъ методѣ Гербартъ отозвался съ большимъ уваженіемъ въ трехъ небольшихъ статьяхъ, изданныхъ въ 1802—1804 годахъ [1]). Но если бы мы пожелали доказать существованіе между ними отношенія учителя и ученика, если бы сдѣлали попытку сблизить два ума, совершенно не схожихъ, изъ которыхъ одинъ былъ умомъ глубокаго и проницательнаго теоретика, другой—чувствительнаго и восторженнаго мечтателя, то глубоко ошиблись бы. Если бы Пе-

сталоцци прочелъ произведенія Гербарта,—онъ самъ разсказываетъ намъ, что не раскрылъ ни одной книги за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ своей жизни,—если бы познакомился съ его «Общей педагогикой», изданной въ 1806 г., то, вѣроятно, воскликнулъ бы, подобно Сократу о Платонѣ: «Сколько прекраснаго открываетъ этотъ юноша, чего мнѣ никогда въ голову не приходило!..»

Песталоцци заслуживаетъ, чтобы его изучали по нему самому, по его характеру, его жизни, по его дѣйствіямъ. Если великій швейцарскій педагогъ и обязанъ до нѣкоторой степени Руссо своимъ вдохновеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ является иниціаторомъ, новаторомъ, и если даже, съ другой стороны, ученіе его осталось неполнымъ и неяснымъ, оно все же имѣетъ цѣнность. Прибавимъ, что, комментируя и стараясь истолковать его, его часто искажали. Можно повернуть приведенный нами афоризмъ и сказать: «Для того, чтобы понять Гербарта и другихъ философовъ воспитанія, не безполезно сначала познакомиться съ Песталоцци!»

Мишлэ въ «Nos Fils» привѣтствуетъ его, какъ одного изъ евангелистовъ современной педагогіи. Геберть Квикъ (H. Quick) заявляетъ въ своемъ сочиненіи «Educational Reformers», что онъ является самымъ знаменитымъ изъ реформаторовъ воспитанія. Карлъ Шмидтъ въ «Geschichte der Erziehung» называетъ его королемъ педагогіи, про-

рокомъ новаго воспитанія. Я сомнѣваюсь, чтобы исторія воспитанія могла познакомить насъ съ другою, столь же оригинальною и трогательною личностью, дать подобный же примѣръ страстной преданности дѣлу народнаго воспитанія. Въ теченіе его долгой восьмидесятилѣтней жизни имъ единственно руководила мысль о возрожденіи человѣчества посредствомъ образованія: «За всю свою жизнь,—писалъ онъ въ 1804 году,—я желалъ и въ настоящее время желаю лишь одного: блага народа, котораго люблю и бѣдствія котораго я чувствую такъ, какъ немногіе ихъ чувствуютъ». Онъ самъ былъ бѣденъ. Его героическое существованіе, полное страданій, униженій и жертвъ, превосходитъ въ своей печальной дѣйствительности все, что старались описать современные романисты, разсказывающіе о несчастіяхъ «Жана Коста» и злоключеніяхъ «Сельской учительницы». Онъ не былъ кабинетнымъ педагогомъ, спокойно составляющимъ на бумагѣ проекты реформы и не берущимъ на себя трудъ примѣнить ихъ на дѣлѣ. Онъ не довольствовался, какъ Руссо, платонической филантропіей, проявляющей себя лишь въ красивыхъ словахъ. Онъ прежде всего былъ человѣкомъ дѣла, дѣятельнымъ преподавателемъ, и не его вина, что онъ всю свою жизнь остался лишь простымъ школьнымъ учителемъ. Онъ радѣлъ за прогрессъ образованія не только ради самого образованія. Онъ

работалъ, дѣйствовалъ, страдалъ ради счастія людей. Онъ желалъ подготовить болѣе образованное человѣчество для того, чтобы оно стало добродѣтельнымъ и счастливымъ. Сказать о немъ, что онъ былъ филантропомъ педагогіи и уподоблялся въ дѣлѣ воспитанія святому Винценту значило бы охарактеризовать его довольно точно.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о дѣятельности педагога, о которомъ англійскій профессоръ Пэйнъ (J. Payne) нашелъ основаніе сказать, что изъ всѣхъ воспитателей онъ является тѣмъ, чье вліяніе оказалось самымъ глубокимъ и самымъ сильнымъ. достаточно просмотрѣть огромный списокъ сочиненій, посвященныхъ біографами и серьезными критиками его жизни и его дѣлу.

Изъ однѣхъ книгъ о Песталоцци можно было бы составить богатую библіотеку. Германія посвятила ему сотни томовъ. Во Франціи, правда, чаще произносили его имя, чѣмъ изучали его мысли. Однако не слѣдуетъ забывать, что еще при его жизни, въ то время, какъ Фихте въ своихъ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу» заявилъ, что ожидаетъ отъ примѣненія методовъ Песталоцци спасенія и возрожденія своей родины, и во Франціи голоса раздавались въ честь Песталоцци. M-me де-Сталь писала въ 1810 году въ своей книгѣ «О Германіи», что считаетъ

школу Песталоцци однимъ изъ лучшихъ учрежденій своего вѣка; а за нѣсколько лѣтъ до того, въ 1807 году, Мэнъ де-Биранъ, бывшій въ то время подпрефектомъ Бержерака, старался ввести и привить въ школахъ Дордоньи новый методъ, о которомъ онъ былъ самаго высокаго мнѣнія.

Слава Песталоцци не померкла въ теченіе ста лѣтъ. Эта слава особенно блестяща на его родинѣ, гдѣ онъ является въ нѣкоторомъ родѣ предметомъ культа. За послѣдніе годы воздаваемыя ему почести, кажется, еще увеличились. 12-го января 1846 г., въ день годовщины его рожденія, соотечественники воздвигли ему въ Биррѣ, въ кантонѣ Аргау, первый памятникъ въ знакъ своей благодарности. За послѣдующія двадцать лѣтъ доказательства поклоненія умножились: въ Иверданѣ и Цюрихѣ поставлены его статуи, въ Бургдорфѣ его память почтена портретомъ-медальономъ и доской съ соотвѣтствующей надписью; въ Цюрихѣ же около 1875 г. въ его честь учрежденъ школьный музей, названный его именемъ «Песталоццiанумъ». Къ этимъ памятникамъ, увѣковѣчивающимъ его имя, присоединяются другіе, болѣе мелкіе, но не менѣе выразительные и свидѣтельствующіе о неизмѣнномъ расположеніи къ нему народа. Въ Цюрихѣ я вхожу въ книжный магазинъ и нахожу открытыя письма съ его портретомъ. Я сажусь къ столу въ ресторанѣ: меню обѣда изображаетъ нѣкоторыя сцены изъ его

жизни въ школѣ. Въ «Песталоццianумѣ» рядомъ съ его рукописями и книгами мнѣ показываютъ нѣкоторыя изъ его реликвій, собранныя съ благоговѣніемъ: его трость, его табакерку, прядь его волосъ, докторскій дипломъ, выданный ему Бреславскимъ университетомъ и помѣченный 1817 годомъ.

Но что цѣннѣе всѣхъ этихъ вещественныхъ памятниковъ, такъ это то, что его идеи и теперь проводятся на практикѣ и передаются отъ одной школы другой. Возстановленію его популярности способствовали въ послѣднее время прекрасные труды Л. В. Зейфарта, (L. W. Seyffarth) который, издавъ въ 1869—1872 гг. полное собраніе сочиненій Песталоцци, намѣревался приступить къ новому изданію, въ которомъ онъ собралъ нѣкоторыя еще неизданныя, но важныя его статьи.

Цюрихъ въ то время, когда Песталоцци тамъ учился, былъ сильнымъ очагомъ умственной жизни. Никогда «Аѳины Лимата», какъ его иногда называютъ, не оправдывали болѣе этого нѣсколько высокопарнаго названія. Это было время соревнованія Цюриха съ Лейпцигомъ и Бодмера съ Готтшедомъ,—время, когда цюрихскіе писатели заставляли о себѣ говорить. Въ 1756 г. Гесснеръ издалъ свои «Идиллiи»; въ 1767 г. Лафатеръ, другъ Песталоцци, написалъ свои «Пѣсни Швейцаріи». являвшіяся опытомъ въ области народ-

ной лирической поэзіи. Это было время, когда Цюрихъ становился мѣстомъ свиданія германскихъ поэтовъ. Виландъ пользовался тамъ въ 1753 г. гостепріимствомъ Бодлера: а до него въ 1750 г. Клопштокъ былъ принятъ тамъ какъ тріумфаторъ: въ сопровожденіи девяти молодыхъ людей и девяти молодыхъ женщинъ, по числу Музъ, онъ совершалъ сентиментальныя прогулки по очаровательному озеру въ лодкѣ, украшенной цвѣтами, читая своимъ восхищеннымъ поклонникамъ неизданные отрывки своей «Мессіады». Но главнымъ образомъ въ то время духъ свободы волновалъ умы. «Соціальный контрактъ» и «Эмиль» читались съ увлеченіемъ. Песталоцци былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ этихъ сочиненій и до конца своихъ дней остался вѣренъ этому увлеченію юности. Въ 1826 г. онъ писалъ: «Руссо съ геркулесовской силой порвалъ тяжелыя цѣпи, оковывавшія человѣческій разумъ, предоставляя ребенка самому себѣ, а воспитаніе природѣ». Когда Женева, подражая въ своей нетерпимости парижскому парламенту, осудила и изгнала Руссо, Цюрихъ возсталъ противъ Женевы. Ободряемая самими профессорами, университетская молодежь образовала общества политическихъ и соціальныхъ реформъ и разныя научныя общества. Появились анонимныя брошюры, въ которыхъ старшины, уѣздные судьи и даже нѣкоторые представители религіи подверглись

яростнымъ нападкамъ. Песталоцци выросъ въ этой воспламененной средѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ дѣлаетъ одного коварнаго уѣзднаго судью отрицательнымъ героемъ своего романа «Леонардъ и Гертруда». По достиженіи 20-тилѣтняго возраста, Песталоцци былъ уже совершенно покоренъ новыми идеями. Его даже считали за революціонера. Вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями, «патріотами», какъ ихъ называли, между которыми былъ и Лафатеръ, онъ подвергся преслѣдованію за участіе въ мнимомъ заговорѣ противъ государства. Между тѣмъ, какъ правительство Цюриха сослало одного изъ этихъ заговорщиковъ, виновнаго лишь въ разоблаченіи притѣсненій уѣзднаго судьи Гребеля, старосты Бруннера и дурного поведенія пастора Готтингера, другіе, между ними и Песталоцци, подверглись тюремному заключенію, были судимы и присуждены къ штрафу.

Именно во время этой горячей борьбы своей юности Песталоцци и пріобрѣлъ обнаруживаемые имъ уже тогда демократическія убѣжденія, одушевлявшія его въ теченіе всей его жизни и сдѣлавшія изъ него неутомимаго защитника бѣдныхъ и страдающихъ отъ злоупотребленій сильныхъ. Но его благородный характеръ сложился подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ. Семейная среда дѣйствовала на его сердце еще больше чѣмъ общественная. Шести лѣтъ онъ потерялъ отца, занимавшагося медициной въ Цюрихѣ.

Прежде всего, Песталоцци сынъ своей матери. Руссо былъ дурно воспитанъ своенравнымъ и беззаботнымъ отцомъ. Песталоцци же воспитанъ хорошо доброй и интеллигентной матерью. Отчасти отъ этого происходитъ несходство ихъ характеровъ и ихъ участи. Оставшись безъ средствъ съ дочерью и двумя сыновьями, бѣдная вдова всецѣло посвятила себя воспитанію дѣтей. Ей помогала служанка, удивительно преданная, вѣрная Бабели, обѣщавшая умирающему отцу никогда не покидать семейства и сдержавшая свое обѣщаніе. Въ этой скромной домашней средѣ, подъ этимъ внимательнымъ и нѣжнымъ надзоромъ ребенокъ рано узналъ добродѣтели простоты и умѣренности, къ которымъ его часто принуждали суровыя обстоятельства жизни. Здѣсь онъ пріобрѣлъ и неизмѣнную чистоту чувствъ. Отсюда, можетъ быть, вмѣстѣ со всѣми этими качествами проистекли нѣкоторые недостатки его характера, болѣе склоннаго къ чувствамъ, чѣмъ къ разсужденіямъ. Въ немъ часто замѣчался недостатокъ практичности. Въ 1765 г. его другъ Блюнчли, умершій 25 лѣтъ отъ роду, сказалъ ему: «Никогда не пускайся въ какія бы то ни было предпріятія, не имѣя возлѣ себя человѣка, опытность и холодный разумъ котораго предохраняли бы тебя отъ опасностей, вызываемыхъ твоей добротой и чрезмѣрной довѣрчивостью!»

Одинъ изъ его сотрудниковъ послѣднихъ лѣтъ, Нидереръ могъ подтвердить, что на ряду съ настойчивой волей мужчины и мужествомъ героя, въ немъ жили чувствительность и деликатность женщины и довѣрчивая наивность ребенка.

Занятія Песталоцци шли самымъ серьезнымъ образомъ. Онъ скоро отказался отъ богословія и духовнаго званія, которыя его сначала привлекали. Безъ сомнѣнія, скорѣе духъ свободы, навѣянный произведеніями Руссо, заставилъ его отказаться отъ первоначально замѣченнаго призванія, нежели, какъ утверждаютъ, непріятное приключеніе съ неудачной проповѣдью: разсказываютъ, что онъ остановился послѣ первыхъ же словъ своей рѣчи. Онъ началъ изучать право для того, чтобы пріобрѣсти знанія, необходимыя для политика, соціальнаго реформатора, какимъ онъ хотѣлъ быть. Онъ съ любовью читалъ древнихъ авторовъ и комментировалъ законодательство Спарты въ небольшой статьѣ, написанной имъ на 20-мъ году жизни. Но не одно чтеніе классиковъ и теоретическія мечтанія подготовили въ немъ свободнаго гражданина и друга человѣчества. Обстоятельства его жизни доставили ему возможность пріобрѣсти преждевременный опытъ въ соціальныхъ истинахъ. Онъ проводилъ свои каникулы на дачѣ, или въ Гёнгѣ у дѣда со стороны отца, пастора Песталоцци, или у брата своей матери, доктора Готце въ Рихтерсвейлѣ.

Вмѣстѣ съ ними онъ посѣщалъ бѣдныхъ и больныхъ. Онъ воочію видѣлъ страданія народа, слышалъ сѣтованія крестьянъ. Состраданіе проникло въ его юношеское сердце и болѣе не покинуло его. Несомнѣнно, что человѣческая личность есть въ большинствѣ случаевъ отраженіе среды, въ которой оно развилось, поэтому не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что Песталоцци провелъ свою молодость среди честныхъ людей и выросъ въ атмосферѣ порядочности, что и отразилось на всей его жизни.

Однажды, будучи еще мальчикомъ, онъ вошелъ съ небольшой суммой карманныхъ денегъ въ лавочку сосѣда кондитера, чтобы купить себѣ лакомствъ. Продавщица, дочь хозяина, та самая, на которой Песталоцци нѣсколько лѣтъ спустя суждено было жениться, Анна Шультессъ, повидимому, плохо понимала свои коммерческіе интересы. Она отговорила мальчика отъ удовлетворенія его потребности въ лакомствахъ, совѣтуя сохранить деньги для болѣе полезнаго употребленія. Такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ уроковъ мудрости имъ былъ полученъ отъ той, которая въ продолженіи 46 лѣтъ, съ 1769 по 1815 г., дѣлила съ нимъ надежды и ошибки, принимала участіе въ его слишкомъ рѣдкихъ радостяхъ и длинномъ рядѣ его горестей.

Но и сама Анна Шультессъ была далеко не лишена недостатковъ, къ которымъ прежде всего

слѣдуетъ отнести нѣкоторое кокетство. Она однажды завела въ присутствіи Песталоцци разговоръ съ Блюнчли, ихъ общимъ другомъ, желая знать его мнѣніе относительно изящнаго подбора лентъ, которыми намѣревалась отдѣлать свой нарядъ. Блюнчли сурово отвѣтилъ ей: «Пока ваша бѣдная сосѣдка нуждается въ талерѣ для поддержанія жизни, вамъ слѣдуетъ употреблять ваши деньги съ большею пользой!..»

Кроткое и благотворное вліяніе семейной жизни продолжалось для Песталоцци и въ супружествѣ. Жена Песталоцци была достойна его. Ихъ союзъ былъ союзомъ душъ. Письма, которыя они писали другъ другу, сохранились. Никогда еще, можетъ быть, женихъ и невѣста не переписывались въ такомъ тонѣ. Песталоцци выставлялъ себя далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Онъ охотно распространялся о всѣхъ своихъ недостаткахъ, о своемъ разсѣянномъ характерѣ, небрежномъ туалетѣ, непривлекательной наружности. Его объясненіе въ любви походило на исповѣдь въ грѣхахъ. Онъ предлагалъ Аннѣ хорошенько обдумать, прежде чѣмъ рѣшиться. Онъ объяснялъ ей насколько онъ непредусмотрителенъ, говорилъ, что у него совсѣмъ нѣтъ присутствія духа, что онъ до такой степени чувствителенъ къ несчастію другихъ, что самъ дѣлается несчастнымъ и теряетъ всякую ясность ума. Онъ предупреждалъ ее, что обязанности гражданина будутъ ставиться

имъ выше обязанностей мужа. что ей придется страдать и жертвовать семьей и личными, эгоистическими интересами высшимъ интересамъ гуманности. Однимъ словомъ, онъ предначертывалъ программу ея жизни. Но и Анна обладала благороднымъ сердцемъ. Она не придавала значенія плохо завязанному галстуху. Давая понять Песталоцци. что она хорошо замѣтила, что онъ некрасивъ и что природа отнеслась бы къ нему несправедливо, «если бы не дала ему большихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ она читаетъ доброту его серьезной и сильной души», она ничуть не колебалась и дала свое слово, не смотря на сопротивленіе родныхъ, на слезы матери, говорившей, что ей придется мириться съ лишеніями. довольствоваться хлѣбомъ и водой. Въ послѣднихъ предположеніяхъ мать не ошиблась.

Женившись въ 1769 году, 23-хъ лѣтъ, Песталоцци черезъ годъ сдѣлался отцомъ. Если его филантропическія идеи уже раньше пробудили въ немъ воспитателя, то его отеческая любовь окончательно опредѣлила его призваніе. Если онъ сдѣлался воспитателемъ, такъ это потому, что очень любилъ человѣчество и очень любилъ свое единственное дитя. Главною его мечтою, не покидавшею его до самой смерти, было облегчить, возродить людей, особенно бѣдняковъ, при помощи образованія и воспитанія.

Начиная съ 20-го года жизни, когда онъ еще

былъ журналистомъ, онъ на первомъ планѣ ставилъ слѣдующее желаніе, направленное на возвышеніе народа: «Пусть кто-нибудь возьметъ на себя трудъ изложить въ простыхъ словахъ доступные для всѣхъ принципы воспитанія!» На этотъ призывъ отозвался, или по крайней мѣрѣ пытался отозваться, отецъ, указавши въ редактируемомъ имъ въ 1774 г. интимномъ *журналѣ* на результаты воспитанія своего сына Жакели.

Это воспитаніе было его первымъ педагогическимъ опытомъ. Въ него онъ не внесъ никакой предвзятой мысли. Впрочемъ, въ теченіе всей своей жизни онъ былъ лишь изслѣдователемъ, который искалъ истину, дѣйствуя, преподавая безъ системы, безъ заранѣе составленнаго плана. По отношенію къ Жакели онъ наблюдаетъ, колеблется, дѣйствуетъ ощупью; такъ онъ и въ будущемъ дѣйствуетъ. Онъ колеблется между принципомъ авторитета и принципомъ свободы. Между тѣмъ, большая часть идей, оказавшихся впослѣдствіи господствующими въ его системѣ обученія и воспитанія, наблюдается въ зародышѣ въ его первой педагогической попыткѣ: неспѣшить, заставлять смотрѣть и слушать, развивать чувства, избирать въ руководители природу, предпочитать факты словамъ, уважать зарождающееся въ ребенкѣ чувство свободы. «Знать слова, не отвѣчающія точно опредѣленнымъ мыслямъ,— громадное препятствіе для достиженія истины».

«Все обученіе не стоило бы гроша, если бы оно лишало ребенка его веселости и бодрости». Уже позднѣе онъ пишетъ: «Смѣхъ—даръ Божій: пусть ребенокъ смѣется; лелѣйте въ немъ веселость!» Подражаніе Руссо очевидно: въ 11 лѣтъ Жакели, подобно Эмилю, едва умѣетъ читать и писать. Воспитатель развиваетъ болѣе его чувства, чѣмъ его память и сужденіе. Его воспитаніе прежде всего отрицательное, подчиненное требованіямъ природы, не человѣческой волѣ.

Здравый смыслъ Песталоцци показываетъ ему всю призрачность утопій Руссо. Онъ по опыту узнаетъ, что иногда необходимо идти противъ природы Онъ опредѣляетъ часы регулярной работы для Жакели, запираетъ его, 4-хъ-лѣтняго, чтобы принудить учиться. Для предоставленія свободы ребенку у него есть причины, но есть и другія, требующія послушанія. Онъ будитъ чувство привязанности въ ребенкѣ, поступая и въ этомъ отношеніи противъ принциповъ Руссо; болѣе всего остального онъ старается развить въ Жакели сердце.

«Я хочу быть школьнымъ учителемъ, не болѣе»,—отвѣтилъ Песталоцци, 20 лѣтъ спустя, своимъ друзьямъ, достигшимъ во время швейцарской революціи 1798 г. власти и предлагавшимъ ему административныя должности и доходныя мѣста. Быть школьнымъ учителемъ — вотъ его истинное призваніе. Всю жизнь онъ мечталъ

о дѣятельности наставника. Между тѣмъ онъ имъ былъ лишь очень недолго. Разныя обстоятельства и событія, столько разъ потрясавшія его жизненный путь, заставили его отказаться отъ осуществленія его мечты. Онъ даже не могъ продолжать воспитанія своего сына. начатаго имъ съ такою любовью. по крайней мѣрѣ въ прежнихъ условіяхъ, т.-е. въ уединеніи семейной жизни. Въ 1775 г. въ Нейгофѣ открылась школа для нищихъ, и Песталоцци, отдавшій все свое сердце несчастнымъ малюткамъ, нашедшимъ въ ней пріютъ, сдѣлалъ еще болѣе того: онъ далъ имъ въ товарищи своего любимаго сына, какъ бы доказывая этимъ, что онъ и для всѣхъ ихъ хочетъ быть отцомъ.

Нейгофъ, Станцъ, Бургдорфъ, Ивердонъ—это четыре этапа педагогическаго апостольства Песталоцци; можно было бы даже сказать—четыре лобныхъ мѣста его крестныхъ страданій, ибо въ печальной тьмѣ его существованія, омраченнаго такимъ множествомъ тучъ, дни радости и мира являлись лишь бѣглыми молніями. Несчастія его начались въ Нейгофѣ.

Въ 1768 году Песталоцци покинулъ Цюрихъ и поселился въ кантонѣ Аргау въ деревнѣ; его побудили къ этому переселенію различныя причины. Прежде всего его манила туда любовь къ полямъ. Подобно Руссо, онъ возненавидѣлъ го-

рода и охотно подписался бы подъ поговоркой: «omne malum ex urbe». Кромѣ того, онъ искалъ профессію, могущую дать ему средства къ жизни. Онъ наивно думалъ, что ему суждено сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ и, въ виду этого, онъ поселился близь Бирра. Послѣ недолгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ выстроилъ себѣ скромный домикъ, который назвалъ «Нейгофъ», т.-е. новая ферма. Въ ней онъ поселился сперва со своею матерью, затѣмъ съ молодой женой. Прибылъ туда онъ богатый надеждами и иллюзіями, расчитывая составить себѣ состояніе, несмотря на то, что его земля была безплодна. Онъ отправился къ агроному Бернскаго кантона Чиффели съ намѣреніемъ на̀скоро заполучить отъ послѣдняго нѣкоторыя спеціальныя знанія. Изъ Берна онъ возвратился съ мозолистыми руками сельскаго работника и съ небольшимъ запасомъ агрономическихъ свѣдѣній. Снабженный этими совсѣмъ свѣжими знаніями онъ предавался надеждѣ, что ему удастся извлекать выгоду изъ своего имѣнія и пріобрѣсти независимость. «Я буду независимъ отъ всего міра». Онъ далъ себѣ слово сдѣлать плодородными нѣсколько десятинъ плохой земли, купленныхъ имъ по дешевой цѣнѣ, посредствомъ новыхъ способовъ обработки: посѣва марены и садоводства. Точно такъ же онъ впослѣдствіи мечталъ научить добру, пересоздать неблагодарныя натуры дѣтей

БИБЛИОТЕКА Акад. Наук СССР

посредствомъ примѣненія своихъ личныхъ педагогическихъ методовъ.

Но не только забота о матеріальныхъ интересахъ сдѣлала изъ Песталоцци сельскаго жителя. Молодой цюрихскій патріотъ не разстался со своими стремленіями реформатора. Если онъ шелъ къ поселянамъ, то только изъ сочувствія къ нуждѣ сельскихъ работниковъ. Будучи еще ребенкомъ онъ сказалъ: «Когда я буду большимъ, то буду помогать крестьянамъ». Это слово онъ хотѣлъ сдержать теперь, стремясь помочь бѣднымъ и просвѣтить невѣжественное сельское населеніе. Эта затаенная мысль, сдѣлаться воспитателемъ въ деревнѣ, ясно видна изъ его писемъ къ невѣстѣ, въ которыхъ онъ убѣждалъ ее покинуть Цюрихъ и слѣдовать за нимъ. Онъ говорилъ: «Надо построить нашу хижину подальше отъ этого разсадника порока... Въ деревнѣ при встрѣчѣ съ ребенкомъ, обнаружившимъ прекрасную душу, но не имѣющимъ хлѣба, я возьму его за руку и сдѣлаю изъ него добраго гражданина». И такъ какъ Анна Шультессъ и особенно ея родные безпокоились объ участи, которую ему готовило такое смѣлое намѣреніе, то онъ указывалъ на свои высоконравственныя побужденія въ дѣлѣ служенія бѣднякамъ и человѣчеству: «Чтобы служить нашимъ согражданамъ, не должны ли мы ограничивать наши личныя потребности Я съ радостью буду довольствоваться чистою во-

дою для питья, чтобы отдать бѣднымъ дѣтямъ молоко, которое я люблю».

Впрочемъ, Нейгофъ не долго служилъ источникомъ доходовъ. Несмотря на отчаянную работу и чудеса экономіи, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ насталъ полный разгромъ. Банкротство являлось неизбѣжнымъ. Денежная помощь, оказанная великодушными друзьями, была безполезна: въ концѣ концовъ они устали помогать. Напрасно жена Песталоцци заложила большую часть своего родового имущества. Какъ онъ ни волновался, ни работалъ своими собственными руками, въ 1775 году разореніе было полное. Пришлось продать поля, на которыхъ онъ основывалъ призрачныя надежды, отъ которыхъ ожидалъ продуктовъ и необычайныхъ доходовъ. Онъ истощилъ всѣ свои средства. У него осталось лишь имущество, состоящее изъ дома и небольшого клочка земли. И несчастный великій воскликнулъ впервые: «Мечта моей жизни погибла!»

Но, если это земледѣльческое предпріятіе въ Нейгофѣ и окончилось неудачею въ финансовомъ отношеніи, оно послужило поводомъ къ нравственному торжеству. Что предпринялъ разоренный, потерявшій почти все Песталоцци? Онъ открылъ убѣжище для бѣдныхъ дѣтей. Онъ самъ былъ почти такъ же бѣденъ, какъ тѣ несчастныя дѣти, которымъ онъ давалъ пріютъ, которыхъ кормилъ, одѣвалъ, стараясь въ то же время дать

имъ образованіе и воспитаніе. Онъ дѣлился съ ними тѣмъ скуднымъ кускомъ хлѣба, который у него еще остался. Вспоминая объ этой усиленной благотворительности, Песталоцци имѣлъ право воскликнуть: «Я самъ жилъ какъ нищій, уча нищихъ жить людьми!»

Сначала успѣхъ, повидимому, благопріятствовалъ этому смѣлому начинанію. При открытіи убѣжища въ немъ было двадцать дѣтей. Впослѣдствіи это число увеличилось, никогда не превышая однако сотни. Это были по большей части маленькіе разбойники, собранные «ангеломъ благотворительности», какъ его назвала мадамъ де-Крюднеръ, по большимъ дорогамъ, совершенно случайно и безъ разбора. Чѣмъ несчастнѣе и порочнѣе они были, тѣмъ болѣе нуждались въ помощи. Ихъ возрастъ, какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ колебался между 10-ю и 20-ю годами. Между ними были незаконныя дѣти, не знавшія семьи и дѣти каторжниковъ. Всѣ они являлись къ нему покрытые лохмотьями и насѣкомыми Никогда воспитателю не приходилось трудиться надъ болѣе неблагопріятнымъ матеріаломъ. Онъ самъ говорилъ: «Это представители подонковъ человѣчества».

Песталоцци распредѣлилъ время этихъ своеобразныхъ учениковъ между ручнымъ трудомъ и нѣкоторыми умственными работами, посвящая часть его урокамъ языка и объясненіямъ изъ

области нравственности и религіи: Имъ не давали забывать о Богѣ, ихъ Отцѣ и Спасителѣ!.., и это было почти все, что дѣлалось для ихъ ума. Большую часть дня дѣти занимались въ саду или на полѣ, или же ремеслами. Песталоцци, богатый на выдумки, устроилъ при своей фермѣ сыроварню и прядильню. Въ хорошую погоду работали на открытомъ воздухѣ, въ ненастные дни и зимою пряли матеріи изъ хлопчатой бумаги. Песталоцци взялъ себѣ въ помощники рабочихъ, ткачей и другихъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность примѣнить одну изъ основныхъ идей своей педагогіи: ассоціацію ручного труда и элементарнаго образованія [2]). Школа безъ мастерской, школа, не дающая одновременно возможности научиться зарабатывать кусокъ хлѣба, казалась ему нелѣпостью.

Безъ сомнѣнія, нельзя было ожидать, чтобы изъ школы въ Нейгофѣ,—школы съ подобнымъ составомъ, дѣлающимъ изъ нея какъ бы учебное заведеніе для ненормальныхъ, могли выйти люди чѣмъ-нибудь замѣчательные. Однако, все же можно указать на одного изъ нихъ, живописца Готтфрида, названнаго «Рафаэлемъ кошекъ». Что можно было сдѣлать съ учениками, о которыхъ Песталоцци далъ въ отчетѣ 1778 года свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ: «Варвара Бруннеръ 17-ти лѣтъ прибыла къ намъ въ состояніи полнаго невѣжества и крайней дикости»!...—Другая дѣвочка

обнаруживала всѣ признаки «невообразимаго тупоумія». Мальчики были не лучше. Песталоцци аттестовалъ ихъ хитрыми, недовѣрчивыми, вѣтреными, ослабленными нищетой, привыкшими къ праздности. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что благотворная дѣятельность пылкаго и восторженнаго воспитателя имѣла хорошее вліяніе на характеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ созданій, съ дурными природными инстинктами и порочными привычками которыхъ онъ такъ энергично боролся. Онъ не хотѣлъ, чтобы они впослѣдствіи по образованію стояли выше среды, въ которой имъ предстояло работать, поэтому заботился объ ихъ обученіи менѣе, чѣмъ объ ихъ нравственномъ возрожденіи. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣкоторыя изъ этихъ падшихъ созданій какъ бы преобразились. Войдя въ убѣжище въ состояніи униженія, они выходили изъ него если не излѣченными отъ всѣхъ своихъ нравственныхъ пороковъ, то по крайней мѣрѣ замѣтно измѣнившимися къ лучшему и способными честно зарабатывать свой хлѣбъ.

Педагогическая попытка въ Нейгофѣ окончилась, подобно сельскохозяйственному предпріятію, неудачей. Заведеніе нѣсколько разъ переживало кризисъ, послѣ котораго на короткій срокъ снова наступало время надеждъ. Въ 1778 году Песталоцци писалъ: «Послѣ бѣдствій, пре-

восходящихъ всякое воображеніе, мое учрежденіе спасено!» Дѣйствительно, великодушные благодѣтели пришли ему на помощь. Раньше еще въ 1776 году Базельскій филантропъ, Изелинъ, явившійся для него «настоящимъ отцомъ», рекомендовалъ вниманію «друзей человѣчества» эту интересную попытку возродить пролеторіатъ. Нѣсколько подписокъ отдалили окончательное разореніе.

Съ другой стороны, одна добрая женщина, скромная служанка, Елизавета Нефъ, предложила Песталоцци свои услуги для возстановленія нѣкотораго порядка въ домѣ, запущенномъ вслѣдствіе отлучекъ и болѣзни г-жи Песталоцци. Елизавета Нефъ, подобно Бабели, принадлежала къ типу тѣхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, удивительная преданность которыхъ неразрывно и на всю жизнь связываетъ ихъ съ несчастнымъ семействомъ. Песталоцци говорилъ объ Елизаветѣ: «Я ворочался бы, не имѣя покоя, въ могилѣ, и не чувствовалъ-бы себя счастливымъ даже на небѣ, еслибъ не зналъ, что послѣ моей смерти она будетъ почитаема болѣе меня самого... Безъ нея меня давно не было бы въ живыхъ»... [3]).

Но денежныя затрудненія увеличивались. Всегда легко поддающійся иллюзіямъ, Песталоцци надѣялся, что выручка отъ продажи ученическихъ работъ окажется достаточной для покрытія расходовъ по ихъ содержанію. Онъ самъ хо-

дилъ на рынки и ярмарки продавать свои бумажныя матеріи и нитки. Но выручалъ онъ за свой товаръ далеко не достаточныя суммы. Съ другой стороны, отсутствіе дисциплины среди учениковъ доставляло ему горькое разочарованіе. Тѣ, кто имѣлъ родителей,—иногда сироты были лучше,—подстрекаемые жадными семьями, убѣгали, заполучивъ новую одежду, и не показывались болѣе. Въ самой школѣ Песталоцци не умѣлъ заставить себя уважать. Повѣсы издѣвались надъ нимъ, едва онъ поворачивалъ спину. Градъ побивалъ его жатву. Эпидемическія болѣзни (корь, чесотка) свирѣпствовали среди питомцевъ. Требовалась помощь врача, но не было денегъ, чтобы заплатить ему. Одного добраго сердца было недостаточно для всего. Никогда Песталоцци не чувствовалъ съ такою силой несоотвѣтствія между тѣмъ, чего онъ желалъ и тѣмъ, что могъ. Приходилось страдать отъ холода, а иногда и отъ голода. Въ 1780 году пришлось отказаться отъ непосильной борьбы, въ которой Песталоцци истощилъ всѣ свои силы и всѣ свои средства.

Восемнадцать лѣтъ прошло съ того момента, какъ послѣдній маленькій нищій покинулъ пріютъ въ Нейгофѣ до того дня, когда первый сирота вошелъ въ убѣжище въ Стансѣ; 18 лѣтъ бѣдности, нравственнаго уныпія, ожиданій и бездѣйствія, въ продолженіи которыхъ его «сердце надры-

валось отъ безпокойства», по его собственному выраженію, въ продолженіи которыхъ онъ жилъ погруженный въ тину нищеты, прозябая какъ растеніе, затоптанное у края дороги. Эти годы печали Песталоцци провелъ въ Нейгофѣ въ скромномъ домикѣ, который у него еще остался. Впрочемъ, Нейгофъ всегда былъ его любимымъ мѣстопребываніемъ. Тамъ родился его сынъ, тамъ онъ его воспиталъ; туда онъ возвратился на закатѣ своихъ дней, утомленный и больной, чтобы написать тамъ «Судьбу моей жизни» и «Лебединую пѣснь», родъ автобіографіи, и затѣмъ умереть. Въ періодъ времени отъ 1780 до 1798 года его тамъ часто посѣщала черная нужда. Но еще сильнѣе онъ страдалъ отъ сознанія своей безпомощности, крушенія надеждъ и перерыва дѣятельности. Онъ не находилъ утѣшенія у сосѣдей, не симпатизирующихъ ему. Крестьяне не любятъ неудачниковъ и они смотрѣли на него, какъ на бѣднаго помѣшаннаго.

Въ ожиданіи возможности снова начать свою дѣятельную жизнь онъ работалъ мыслью, размышлялъ, писалъ. Эти 18 лѣтъ не были потеряны. Именно въ этотъ періодъ онъ написалъ большую часть своихъ произведеній. Въ 1780 году онъ напечаталъ: «Вечеръ отшельника», рядъ размышленій въ формѣ краткихъ афоризмовъ, имѣющихъ своимъ главнымъ предметомъ поднятіе народа помощью воспитанія; въ

1781 г. первый томъ «Леонарда и Гертруды», популярнаго романа, имѣвшаго большой успѣхъ и и сдѣлавшаго его извѣстнымъ. Публика приняла болѣе холодно три послѣдующія части, появившіяся въ 1783, 1785 и 1787 годахъ [4]). Въ 1782 году появился другой романъ: «Христофоръ и Эльза», вторая книга для народа, прошедшая незамѣченной. А между тѣмъ онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея руководство для воспитанія и предназначалъ ее для употребленія въ реальной школѣ (Realschule). Наконецъ въ 1797 г. были напечатаны «Басни», которыя онъ началъ писать около 1782 г. и которыя носятъ, главнымъ образомъ, соціальный характеръ, но не лишены и нѣкоторой цѣнности въ литературномъ отношеніи. Къ этому періоду относится также трудъ, который онъ считалъ самымъ значительнымъ изъ своихъ сочиненій: «Изслѣдованія хода природы въ развитіи человѣческаго духа». Это произведеніе является опытомъ въ области общей философіи, въ которомъ авторъ, несмотря на тяжкія усилія, обнаруживаетъ незначительность и безсиліе своей отвлеченной мысли. Какъ писатель, Песталоцци, безъ сомнѣнія, не былъ лишенъ таланта: и «Леонардъ и Гертруда» и «Басни» доказываютъ, что своимъ простымъ разсказомъ, своими убѣдительными и безыскусственными замѣчаніями, въ особенности же своей чувствительностью онъ былъ способенъ обратить на

себя вниманіе въ области народной литературы. Но въ области философскихъ обобщеній онъ обнаружилъ полную несостоятельность. Его «Изслѣдованія», хотя и удостоились вниманія Фихте, но не имѣли никакого успѣха, да и не заслуживали его. Песталоцци имѣлъ бы большій успѣхъ, если бы испробовалъ свои силы въ драматической литературѣ, о чемъ онъ одно время и думалъ. Тогда народный театръ былъ бы открытъ на сто лѣтъ раньше. Песталоцци сдѣлался писателемъ скорѣе по необходимости, чѣмъ по влеченію. «Я готовъ былъ дѣлать парики,—восклицаетъ онъ съ грустью,—лишь бы добывать хлѣбъ для моей жены и моего ребенка!» Но его произведенія не только доставили ему заработокъ, но и положили начало его извѣстности и славѣ. Осмѣянный окружающими, нейгофскій отшельникъ сдѣлался выдающейся личностью. Законодательное собраніе наградило его званіемъ французскаго гражданина декретомъ отъ 26-го августа 1792 г., въ которомъ было сказано, что «люди, служащіе своими произведеніями и своимъ мужествомъ на пользу свободы и освобожденія умовъ, не могутъ считаться чужими во Франціи». Имя Песталоцци было поставлено рядомъ съ знаменитыми именами Вашингтона, Костюшко, Шиллера, Клопштока и другихъ.

Отъ Германіи онъ также получилъ цѣнныя доказательства сочувствія и симпатіи. Въ тотъ

самый годъ, когда французы провозгласили его своимъ согражданиномъ, онъ былъ во время своего пребыванія въ Лейпцигѣ благосклонно принятъ Гёте, Виландомъ, Клопштокомъ, Гердеромъ. Въ слѣдующемъ году онъ вступилъ въ сношенія съ Фихте, сдѣлавшимся впослѣдствіи его другомъ и сказавшимъ о немъ: «Онъ некрасивъ, одѣтъ какъ мужикъ, но такъ полонъ чувства, что не многіе могутъ съ нимъ сравняться».

Успѣхи Песталоцци въ качествѣ писателя не могли заставить его забыть о главномъ стремленіи его жизни. Онъ попрежнему хотѣлъ быть воспитателемъ. Но только революція сдѣлала его вновь воспитателемъ, и то опять на очень короткое время, а именно въ импровизированномъ сиротскомъ пріютѣ, учрежденномъ новымъ правительствомъ швейцарской конфедераціи въ Станцѣ въ 1798 году.

Въ педагогической дѣятельности Песталоцци опытъ въ Станцѣ является какъ бы героическимъ періодомъ, когда онъ былъ больше всего самимъ собою, когда болѣе всего проявлялъ сокровища преданности и нѣжности, таившіяся въ его сердцѣ. Ему было 52 года. По отзыву его друга, Штакфера, министра просвѣщенія, онъ уже боролся съ приближающейся старостью. И въ возрастѣ, когда нѣкоторые изъ нашихъ педагоговъ уже подумываютъ объ отставкѣ, онъ взялъ на себя управленіе школою для маленькихъ дѣтей отъ

6-ти до 10-ти лѣтъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Предлагаемая ему задача не имѣла ничего привлекательнаго. Говорили, и не безъ основанія, что, избирая Пестолоцци, довѣряя ему это дѣло, швейцарское правительство сдѣлало ошибку. Дѣло шло о воспитаніи сиротъ въ странѣ, опустошенной гражданской войной. Къ раздраженнымъ побѣжденнымъ посылали представителя побѣдившей партіи, демократа и еретика. Пестолоцци пришелъ проповѣдывать миръ и любовь къ ближнимъ въ Нильдвальденъ, область, гдѣ еще наканунѣ французская армія, соединившись со швейцарской, вела ожесточенную войну. Мѣстность только что видѣла около 400 убитыхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, столько же сожженныхъ домовъ, священниковъ, умерщвленныхъ предъ алтарями, Стансъ, наполовину опустошенный огнемъ. Кромѣ того, набожному католическому населенію, нафанатизированному проповѣдями капуциновъ, давали въ воспитатели протестанта, который являлся къ нему съ намѣреніемъ сдѣлать попытку насажденія свѣтскаго воспитанія въ упраздненномъ монастырѣ.

Пестолоцци зналъ, какимъ трудностямъ онъ идетъ навстрѣчу. Всякаго другого онѣ устрашили бы, но онъ ни минуты не колебался,—онъ такъ долго изнывалъ въ ярости и отчаяніи отъ своей бездѣятельности. Теперь онъ оправлялся, такъ сказать, отъ нравственной агоніи. Предло-

женная ему въ Станѣ миссія являлась для него какъ бы воскрешеніемъ. Наконецъ-то ему будетъ дана возможность примѣнять идеи, изложенныя имъ въ романѣ «Леонардъ и Гертруда»! «Я стираю,—вырвалось у него торжествующее восклицаніе,—позоръ моей жизни. Я чувствую, что снова становлюсь человѣкомъ. Онъ не видѣлъ лучшаго примѣненія своей дѣятельности, какъ въ борьбѣ противъ глупости, грубости, невѣжества и порока. Правительство хотѣло поручить ему управленіе нормальной школой, онъ предпочелъ пойти къ самымъ маленькимъ дѣтямъ, хорошо сознавая, что его истинное призваніе — это элементарное воспитаніе. «Чтобы осуществить мечту моей жизни, я согласился бы отправиться на самыя высокія вершины Альпъ, не имѣя ни огня, ни воды!..»

Нашлись швейцарскіе историки, осудившіе Паталоцци за его участіе въ дѣлѣ швейцарской революціи, а слѣдовательно въ соглашеніи съ французской арміей, сражавшейся за послѣднюю. Мы же, напротивъ, должны отдать ему справедливость: онъ былъ только на сторонѣ прогресса. Пока революція преслѣдовала лишь цѣль служить дѣлу освобожденія народовъ, Песталоцци оставался вѣренъ ей. Когда Франція попросила Швейцарію доставить ей 18 тысячъ человѣкъ вспомогательнаго войска, онъ помѣстилъ въ «Helvetisches Vokblatt», въ кото-

ромъ писалъ еще до своего водворенія въ Станѣ, слѣдующее воззваніе: «О родина, радуйся! Великая Франція беретъ тебя за руку съ чувствомъ братской дружбы. Вѣдь не малая честь идти учиться воевать бокъ-о-бокъ съ воинами Бонапарта, Журдана и Моро, войти въ составъ геройской французской арміи для служенія родинѣ»... Лишь впослѣдствіи сердце Песталоцци отвернулось отъ французовъ, когда онъ увидѣлъ, что за великодушными стремленіями послѣдовали кровавые походы чрезъ всю Европу и честолюбивыя сумасбродства наполеоновскаго режима.

Матеріальная обстановка въ Станѣ была самая жалкая. Помощницею Песталоцци была лишь экономка: «Въ полуразрушенномъ домѣ я одинъ совмѣщалъ въ себѣ управляющаго, счетовода, слугу и почти служанку». Рабочіе заканчивали устройство убѣжища, когда сироты уже жили въ немъ. Песталоцци долженъ былъ заниматься тысячью мелочей, пищею, одеждою этого мірка изъ 80 человѣкъ дѣтей, большая часть которыхъ жили въ школѣ. Онъ спалъ съ ними, заботился о нихъ съ нѣжностью матери, превращался въ случаѣ надобности въ ихъ сидѣлку. Онъ окружилъ ихъ любовью. «Я хочу,—говорилъ онъ,—чтобы эти бѣдныя безпомощныя созданія постоянно чувствовали, что мое сердце съ ними, что ихъ счастье—мое счастье». Онъ старался завоевать эти маленькія души постояннымъ влія-

ніемъ своего присутствія, горячностью своей симпатіи. «Я смѣялся, я плакалъ вмѣстѣ съ ними». Въ убѣжищѣ, бывшемъ скорѣе дѣтскимъ госпиталемъ, чѣмъ школой, онъ и хворалъ вмѣстѣ съ ними: «Мы всѣ кашляли,—говоритъ онъ,—въ сырыхъ стѣнахъ только что отдѣланнаго дома, особенно суровою зимою».

Въ длинномъ трогательномъ письмѣ, адресованномъ своему цюрихскому другу, книгопродавцу Гесснеру, сыну автора «Идиллій», Песталоцци разсказываетъ, какія средства онъ примѣнялъ, чтобы положить начало умственному и нравственному воспитанію своихъ учениковъ въ Стансѣ. Ихъ можно резюмировать однимъ словомъ: дѣятельность. Онъ находился въ безпрерывной дѣятельности и тратилъ всѣ свои силы безъ расчета. Въ классѣ онъ переходилъ отъ одного ученика къ другому, ободряя трудолюбивыхъ, журя лѣнивыхъ. Необыкновенное одушевленіе, постоянное вниманіе со стороны учениковъ награждали усилія учителя. «Они хотѣли, они могли, они были неутомимы, веселы. Они чувствовали въ себѣ пробужденіе дремлющихъ и невѣдомыхъ силъ». Скука, такъ часто сопровождающая ученіе, исчезла изъ школы, какъ тѣнь. Посѣтившія Песталоцци въ Стансѣ лица даютъ самый благопріятный отзывъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ нѣсколько недѣль. «Не вѣрилось собственнымъ глазамъ», — пишетъ священникъ Бузин-

геръ. —«Когда я вошелъ въ классную комнату,— говоритъ въ свою очередь публицистъ Чокке,— дѣти были такъ поглощены своей работой, что едва подняли головы. Одни заучивали буквы, цифры, другіе считали, нѣкоторые рисовали». Будучи единственнымъ учителемъ на довольно большое число учениковъ, Песталоцци заставлялъ наиболѣе свѣдущихъ руководить слабѣйшими. Они были сгруппированы по трое, —какъ разсказываетъ Чокке,—самый старшій помѣщался посрединѣ, чтобы лучше слѣдить за работой своихъ маленькихъ товарищей. Это было началомъ взаимнаго обученія. Умственныя упражненія чередовались съ ручными работами, точно такъ же, какъ въ Нейгофѣ. Однимъ словомъ, результаты оправдали надежды Песталоцци: «Я былъ убѣжденъ, — говорилъ онъ, — что мое сердце исправитъ, измѣнитъ характеръ моихъ дѣтей такъ же быстро, какъ весеннее солнце оживляетъ землю. оцѣпенѣвшую за зиму. И дѣйствительно, раньше чѣмъ весна растопила снѣгъ на нашихъ горахъ, мои ученики были неузнаваемы. Въ ихъ ангельскихъ глазахъ, въ ихъ чистыхъ взглядахъ я видѣлъ преуспѣяніе ихъ душъ». Къ Песталоцци можно было бы примѣнить то, что онъ сказалъ о Жирарѣ: «Онъ производитъ чудеса; изъ грязи онъ дѣлаетъ золото».

Внезапныя событія прервали смѣлую попытку Песталоцци. Нужды возобновившейся войны по-

требовали, чтобы убѣжище для сиротъ сдѣлалось военнымъ госпиталемъ. Маленькіе горцы должны были уступить мѣсто больнымъ и раненымъ солдатамъ. Опытъ продолжался менѣе полугода, съ 14-го января 1799 г. до 8-го іюня того же года. Его, конечно, невозможно предложить въ качествѣ образца, достойнаго подражанія, точно такъ же, какъ невозможно обобщать идеальное воспитаніе, изобрѣтенное Руссо для его Эмиля. На «стансовское сумасбродство», какъ прозвали дѣятельность Песталоцци въ Стансѣ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на предпріятіе, на которое могъ отважиться лишь исключительный человѣкъ. Гдѣ найти другого Песталоцци, одушевленнаго такимъ же рвеніемъ? Самъ онъ врядъ-ли былъ бы въ состояніи продолжительное время вынести подобное напряженіе. Его маленькая паства благоденствовала, но пастухъ изнемогалъ. Онъ выбивался изъ силъ, кашлялъ кровью. Увидя свое дѣло прерваннымъ, онъ отправился въ горы, на высоты Гурнижеля, съ твердымъ рѣшеніемъ снова, при первой возможности, взяться за прежнюю дѣятельность, какъ только самъ онъ будетъ въ состояніи. Но въ то время онъ нуждался для возстановленія своихъ силъ и здоровья, въ полномъ спокойствіи и цѣлительномъ воздухѣ высокихъ вершинъ. Любуясь съ высоты Гурнижеля чудными ландшафтами швейцарскихъ долинъ, тянувшихся передъ нимъ вдали, онъ говорилъ себѣ:

«Я любуюсь красотами природы, но. главнымъ образомъ, думаю о бѣднякахъ, живущихъ въ этихъ живописныхъ долинахъ, о народѣ, страдающемъ тамъ вслѣдствіе своего дурного воспитанія, невѣжества и нищеты».

Роже де-Гэмъ (Roger de Guimps), одинъ изъ лучшихъ учениковъ и самыхъ внимательныхъ біографовъ Песталоцци, писалъ послѣ своей поѣздки около 1870 г. въ Аргау и паломничества въ Нейгофъ: «Мы не видѣли тамъ нищихъ: всюду трудолюбивое и зажиточное населеніе, хорошо обработанныя поля и хорошія школы. Если Песталоцци и потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ поднять это населеніе, то принципы, положенные въ основаніе его предпріятію, въ концѣ концовъ принесли свои плоды». Тѣ же размышленія приходятъ въ голову при посѣщеніи Станса. Песталоцци забытъ нынѣ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Швейцаріи, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ онъ нашелъ развалины — плоды междуусобной войны — гдѣ былъ встрѣченъ ненавистью, принятъ населеніемъ враждебно, онъ, принесшій подъ видомъ давленія свободу, какъ это, впрочемъ, иногда случается. Но все выглядитъ смѣющимся и веселымъ въ хорошенькомъ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ красиваго озера Четырехъ Кантоновъ. Жители кажутся счастливыми, излѣченными отъ ненависти, умиротворенными. А вокругъ городка тянутся обра-

ботанныя поля, тучныя пастбища, сады, усаженные громадными яблонями, столѣтними группами, можетъ быть посаженными на глазахъ у Песталоцци, покрывающіяся ежегодно обильными плодами. И смотря съ высоты Стансергорнской террасы, возвышающейся на 1.900 метровъ надъ лежащей у ея подножія долиной Станса, на эту хорошенькую группу бѣлыхъ домиковъ, окруженную рамкой изъ зелени, можно сказать себѣ, что какъ бы тамъ ни было, такіе люди, какъ Песталоцци, не проходятъ безполезно жизненный путь, что и человѣческая мысль приноситъ свои плоды, насаждая постепенно и съ теченіемъ времени миръ, благоденствіе и счастіе тамъ, гдѣ нѣкогда царили лишь фанатизмъ войны и нищета: и что если Песталоцци забытъ въ Стансѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ этомъ уголкѣ вселенной, какъ и во многихъ другихъ, осуществилась часть тѣхъ мечтаній о счастіи человѣчества, которыя онъ лелѣялъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ закрытія сиротскаго пріюта въ Стансѣ, Песталоцци былъ снова призванъ къ педагогической дѣятельности въ Бургдорфѣ, второмъ городѣ Бернскаго кантона. По правдѣ говоря, это единственный разъ, что онъ дѣйствительно былъ воспитателемъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ правильно организованной школѣ, и руководилъ классомъ, хотя и маленькимъ, состоящимъ изъ дѣ-

тей обоего пола, не умѣющихъ читать. Ему приходилось одновременно быть, какъ онъ говоритъ, «послѣднимъ изъ учителей въ школѣ и реформаторомъ воспитанія». Въ теченіе цѣлаго года онъ, въ качествѣ смиреннаго учительскаго помощника, «толкалъ впередъ скромную тачку азбуки».

Я не знаю, удостоился ли бы учительскій помощникъмладшаго класса въ Бургдорфѣ хорошаго «инспекціоннаго бюллетеня», если бы его посѣтилъ какой-нибудь современный учебный инспекторъ. На основаніи многихъ данныхъ я боюсь, что онъ заслужилъ бы дурной отзывъ. Такъ, напримѣръ, крайне нетерпѣливый онъ безъ стѣсненія раздавалъ пощечины, говорилъ очень быстро и кричалъ изо всѣхъ силъ. Онъ совсѣмъ не давалъ объясненій своимъ ученикамъ и ограничивался тѣмъ, что заставлялъ учениковъ машинально повторять буквы, затѣмъ слоги и слова. Онъ не придерживался правильнаго распредѣленія времени. Но зато какъ не удивляться преданности дѣлу и рвенію «знаменитаго старца». (какъ его величали уже тогда въ оффиціальныхъ докладахъ), который, оставаясь вѣчно юнымъ подъ своими сѣдыми волосами, старался научить азбукѣ дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 8 лѣтъ? Современные ему инспектора, члены Бернской школьной коммиссіи, посѣтившіе школу въ іюлѣ 1800 г. лишь 8 мѣсяцевъ послѣ начала его дѣятельности, го-

рячо хвалили его: «Ваши ученики, говорили они, сдѣлали удивительные успѣхи; самые способные уже выдѣлились какъ каллиграфы, счетоводы и рисовальщики. Вы показали, какія силы таятся въ самыхъ маленькихъ дѣтяхъ и какими способами эти силы могутъ и должны быть развиты».

Послѣ столь удачной инспекціи Песталоцци вполнѣ заслуживалъ повышенія; онъ его и получилъ. Изъ младшаго класса, въ которомъ онъ состоялъ лишь помощникомъ, его перевели въ качествѣ директора во вторую школу для мальчиковъ; первая находилась подъ вѣдѣніемъ воспитателя занимавшагося одновременно сапожнымъ, ремесломъ и не пожелавшаго, чтобы Песталоцци производилъ у него свои опыты. Бургдорфскій замокъ былъ отданъ подъ новое учрежденіе. Но почти тотчасъ эта первоначальная школа была преобразована въ «Бургдорфскій педагогическій институтъ», учрежденіе сложное и смѣшанное, наполовину школа, наполовину гимназія. Управленіе этимъ заведеніемъ Песталоцци взялъ на себя, избравъ себѣ въ помощники своихъ первыхъ сотрудниковъ—Крузи, Буссе и Тоблера.

Карьера школьнаго учителя, о которой такъ мечталъ Песталоцци, была окончена для него, едва начавшись. Отнынѣ онъ становится совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ бы быть: онъ дѣлается начальникомъ большого второразряднаго учебнаго заведенія для высшаго первоначальнаго обу-

ченія; далѣе онъ завѣдуетъ пансіономъ, обучаетъ юношей, руководитъ цѣлымъ штатомъ преподавателей. Сколько трудностей ожидало его при исполненіи обязанностей, къ которымъ, какъ онъ самъ это вполнѣ сознавалъ, онъ былъ неспособенъ! Не разъ думалъ онъ выйти въ отставку, чтобы снова сдѣлаться учителемъ въ элементарной школѣ, покинуть то, что онъ называлъ «своей скамьей каторжника». Но несмотря ни на что, въ теченіе 25 лѣтъ онъ упорно отдавался своему дѣлу при всякихъ обстоятельствахъ и бодро несъ «бремя, которое давило» его. До 1-го іюля 1804 года онъ жилъ въ Бургдорфѣ, въ 1804 году провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Мюнхенбуксее по сосѣдству съ Гофвилемъ, гдѣ Фелленбергъ, считавшійся одно время его другомъ, продолжалъ затѣмъ его филантропическое дѣло; наконецъ съ 1-го іюля 1805 г. до 1825 г. въ Ивердонѣ, въ кантонѣ Во. «Какъ жаль, пишетъ въ 1808 году отецъ Жираръ въ своемъ знаменитомъ отчетѣ объ Ивердонскомъ институтѣ,—что Песталоцци былъ выброшенъ съ дороги, избранной имъ съ такой любовью! Образцовая первоначальная школа осталась такимъ образомъ лишь мечтою въ его безпокойной, трудолюбивой жизни!»

Самъ Песталоцци придерживался такого же мнѣнія: «Я не желаю имѣть учебное заведеніе, я хочу довести до конца свой методъ!» И дѣй-

ствительно, насколько ему позволяли его заботы по управленію, онъ не переставалъ развивать въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ этотъ неуловимый методъ, описанный въ общихъ чертахъ въ его книгахъ и примѣняемый въ видѣ опыта въ убѣжищахъ, сиротскихъ пріютахъ и школахъ и все-таки не опредѣленный имъ точно. Иногда онъ думалъ, что его методъ не долженъ быть ограниченъ младенческимъ возрастомъ, что его можно расширить и примѣнять къ болѣе серьезному курсу. Своимъ сотрудникамъ онъ поручалъ истолковывать этотъ методъ при сочиненіи книгъ соотвѣтственно съ его положеніями. Въ 1803 году Крузи и Буссъ издали: «Наглядныя упражненія надъ числами», «Наглядныя упражненія надъ формами и величинами». Со своей стороны самъ Песталоцци работалъ съ 1801 г. надъ своимъ произведеніемъ: «Наставленія, какъ научиться читать и писать», и, главнымъ образомъ, надъ самымъ значительнымъ изъ своихъ педагогическихъ сочиненій: «Какъ Гертруда обучала своихъ дѣтей». Благодаря успѣху Бургдорфскаго института репутація которую Песталоцци уже раньше пріобрѣлъ, еще поднялась. Это воспитательное заведеніе, читаемъ мы въ одномъ оффиціальномъ документѣ, пользовалось особымъ предпочтеніемъ. Имя восхвалявшихъ его было легіонъ. Однако число воспитанниковъ не превышало сотни. Между ними находился уроженецъ Аппенцелля Рамзауэръ.

который передалъ намъ съ юморомъ и не безъ ехидства свои ученическія воспоминанія.

Около 1803 года новые сотрудники сгруппировались вокругъ учителя: эльзасецъ Нефъ, котораго Песталоцци нѣсколько лѣтъ спустя долженъ былъ послать во Францію по просьбѣ Мэнъ де-Бирана, музыкантъ Нефейферъ, богословъ Мюра, едва не сдѣлавшійся преподавателемъ дѣтей м-мъ де-Сталь, пасторъ Нидереръ, ученый богословъ, который уже не разставался болѣе съ Песталоцци, и наконецъ Шмидтъ, по профессіи математикъ. Преподаваніе расширилось, благодаря этимъ многочисленнымъ сотрудникамъ спеціалистамъ. Изучались всѣ школьные предметы: химія, алгебра и мертвые языки. Песталоцци пытался самъ издать упражненія по латинскому языку. Но ученики особенно отличались своимъ искусствомъ въ рисованіи и изустномъ исчисленіи; и въ послѣднемъ сказывается вліяніе «метода». Съ другой стороны, дисциплина была мягкая и проникнутая либеральнымъ духомъ. «Я вижу не школу,—воскликнулъ одинъ посѣтитель,—а большую семью». «Изъ всѣхъ маленькихъ тирановъ, замѣчалъ Песталоцци, самые вредные это школьные тираны», и онъ не признавалъ тирановъ—ни маленькихъ, ни большихъ.

Это учебное заведеніе, находящееся въ полномъ процвѣтаніи, Песталоцци неохотно покинулъ въ 1804 году. Но политическія событія лишили

его Бургдорфскаго замка, который снова сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше и остался до настоящаго времени: мѣстопребываніемъ второстепенныхъ властей. Путь къ прежней резиденціи Песталоцци труденъ, приходится подниматься по крутому склону на самый верхъ горы, къ красивому промышленному городу, гордящемуся своей технической школой для инженеровъ, электротехниковъ и архитекторовъ. Какъ не вспомнить, взбираясь по плохо мощенной дорогѣ, о любопытныхъ, которыхъ сто лѣтъ тому назадъ туда привлекала возростающая слава Песталоцци? По этой дорогѣ шелъ нѣкогда Гербартъ, нынѣшній любимецъ педагоговъ Швейцаріи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ; а за нимъ многіе нѣмецкіе и датскіе педагоги приходили знакомиться съ методомъ Песталоцци и по большей части возвращались убѣжденными и плѣненными съ намѣреніемъ распространять его въ своей странѣ. Если войти во внутренній дворъ уединеннаго и молчаливаго замка, то на одной изъ стѣнъ можно увидѣть медальонъ Песталоцци, а рядомъ прочесть нѣмецкую надпись, сообщающую, что это даръ благодарности, принесенный въ 1888 году его памяти городомъ Бургдорфомъ. Другая надпись напоминаетъ, что Песталоцци произнесъ божественныя слова: «Люби твоихъ братьевъ, не люби самого себя!», и что они извлечены изъ книги, написанной имъ именно въ этой мѣстности: «Какъ Гер-

труда обучала своихъ дѣтей». Это все, что осталось отъ Песталоцци въ Бургдорфѣ. Изъ внутренняго двора замка открывается чудная панорама: промышленная долина Эмменталь, вся въ зелени; ближе—густые лѣса, крутизны и скалы; еще ближе—раскинувшійся по низменности городъ, въ которомъ Песталоцци былъ школьнымъ учителемъ. Отъ самаго замка вѣетъ глубокой грустью, у оконъ рѣшетки, изъ-за нихъ будто раздаются глухіе стоны. Кажется это потому, что въ старомъ замкѣ помѣщается тюрьма. По странной иронiи судьбы, мѣсто, откуда нѣкогда исходили слова вѣры въ человѣческое достоинство, краснорѣчивыя воззванiя къ благородству души, къ чувству свободы, служитъ теперь мѣстомъ заключенiя преступниковъ. На дворѣ можно встрѣтить бродягъ и нищихъ, сопровождаемыхъ полицейскими. Песталоцци въ простотѣ своей чистой души, конечно, не подумалъ бы ихъ заточить, онъ обратился бы къ нимъ со словами ободренiя. Въ немъ несомнѣнно пробудилось бы желанiе сдѣлать попытку возродить ихъ при помощи обученiя. Развѣ это не доказываютъ или почти доказываютъ слова, съ которыми онъ однажды обратился къ преступнику, находившемуся на дорогѣ въ тюрьму. Онъ взялъ его за руку, сунулъ въ нее монету и сказалъ: «Если бы ты получилъ хорошее воспитанiе, изъ тебя вышелъ бы честный человѣкъ, полезный гражданинъ и

не было бы необходимости привязывать тебя, какъ собаку».

Въ Ивердонѣ Песталоцци вкусилъ всѣ сладости извѣстности еще болѣе, чѣмъ въ Бургдорфѣ. Тамъ онъ узналъ минуты истинной славы. Ученики стекались къ нему изъ всѣхъ странъ: изъ Англіи, Италіи, Испаніи и Франціи, а также изъ Швейцаріи и Германіи. Многимъ отказывалъ за неимѣніемъ мѣста. Ивердонъ сдѣлался всемірной гимназіей. «Намъ говорили, — разсказываетъ одинъ ученикъ,—что міръ устремилъ на насъ свои взоры». Посѣтителей являлось столько, что они начали нарушать порядокъ и регулярность занятій. Ивердонскій институтъ прослылъ среди иностранцевъ одной изъ достопримѣчательностей Швейцаріи. Песталоцци посѣщали такъ же, какъ отправлялись экскурсіей на знаменитую вершину, на ледникъ, какъ нынѣ отправляются въ Интерлакенъ или въ Церматтъ любоваться могуществомъ природы. Песталоцци любезно давалъ выставлять себя, видя въ этомъ средство пропаганды своихъ теорій. Когда докладывали о какомъ-нибудь знатномъ посѣтителѣ, онъ призывалъ кого-нибудь изъ своихъ лучшихъ сотрудниковъ: «Возьми своихъ лучшихъ учениковъ, - говорилъ онъ,—и пусть они покажутъ то, что лучше всего знаютъ!» Вообще институтъ старались показать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Самые искреннie люди поддаются иногда иску-

шенію нѣкотораго шарлатанства. Ихъ извиненіе въ томъ, что они стремятся къ торжеству идей. «Къ намъ пріѣхалъ князь, — говорилъ Песталоцци, — онъ хозяинъ большого числа крѣпостныхъ; если мы его убѣдимъ, то онъ заставитъ и ихъ учиться».

Но Песталоцци не довольствовался пропагандой, производимой его посѣтителями, въ числѣ которыхъ находились м-мъ де-Сталь, Фребель, Мэнъ де-Биранъ, королева Виртембергская, кромѣ многихъ другихъ, менѣе выдающихся. Онъ самъ не отступалъ ни передъ какими трудностями, чтобы проповѣдывать міру свое евангеліе. Такимъ образомъ онъ въ 1802 г. совершилъ путешествіе въ Парижъ съ оффиціальнымъ предписаніемъ отъ Швейцарскаго Совѣта, членомъ котораго онъ состоялъ, но съ тайной надеждой привлечь къ къ своему дѣлу самого великаго Бонапарта. «Для того, кѣмъ я хотѣлъ бы быть,—выразился онъ,— Швейцарія слишкомъ тѣсна. Мои идеи всемірны». Но пріемъ, который онъ встрѣтилъ въ Парижѣ, оказался далеко не такого рода, чтобы одобрить его. «У меня нѣтъ времени заниматься вопросами азбуки», сухо замѣтилъ первый консулъ. А Таллейранъ, присутствовавшій нѣсколько времени спустя на практической демонстраціи метода Песталоцци въ классѣ, руководимомъ Нефомъ, замѣтилъ съ пренебреженіемъ: «Это слишкомъ много для народа!» Монжъ, основатель

политехнической школы, также сказалъ: «Это слишкомъ много для народа». Не слѣдуетъ послѣ этого удивляться суровости сужденія, высказаннаго Песталоцци о Франціи: «Изъ французскихъ дѣтей можно было бы сдѣлать первыхъ людей въ мірѣ, если бы ихъ отдали на воспитаніе нѣмецкимъ педагогамъ. Французскія женщины хороши, но мужчины никуда не годятся!» Конечно Песталоцци судилъ о французахъ нѣсколько поспѣшно, пробывъ въ Парижѣ всего нѣсколько недѣль.

Песталоцци всегда искалъ могущественныхъ покровителей. Онъ хорошо сознавалъ, что для проведенія самыхъ необходимыхъ реформъ далеко не достаточно дѣятельности нѣсколькихъ восторженныхъ мечтателей, такихъ, какимъ былъ онъ, что для этого нужна поддержка правительства, содѣйствіе законодателей. «Я ищу министра, который былъ бы человѣкомъ!» воскликнулъ онъ однажды. Ему показалось, что онъ нашелъ его въ 1808 г., когда его другъ Николовіусъ, сдѣлавшись государственнымъ совѣтникомъ и однимъ изъ директоровъ общественнаго образованія въ Пруссіи, сообщилъ ему о проектахъ реформы, пользующейся покровительствомъ короля: «Моя мечта,—заявилъ онъ,—указываетъ мнѣ въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ героя любви въ противоположность героямъ войны!» Онъ прицѣпился, если можно такъ выразиться, ко всѣмъ монархамъ,

приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Въ 1814 году, когда императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Базель, онъ поспѣшилъ представиться ему и попросилъ, не колеблясь, царя освободить крѣпостныхъ и преобразовать школы въ Россіи. Онъ удостоился за это ордена св. Владиміра 4-й степени. Въ томъ же году прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I проѣзжалъ чрезъ Невшатель. Песталоцци, хотя больной и истощенный, попросилъ у него аудіенціи. Друзьямъ, которые удерживали его, онъ возразилъ: «Я долженъ его видѣть, еслибъ даже мнѣ пришлось умереть для этого! Я буду достаточно вознагражденъ за свое усиліе, если результатомъ моего визита явится улучшеніе образованія хотя бы для одного ребенка».

Но съ особеннымъ усердіемъ Песталоцци проявлялъ свою дѣятельность въ организаціи преподаванія въ учебномъ заведеніи, душою котораго онъ сталъ. Вотъ какова была приблизительно картина школьной жизни въ Ивердонѣ. Ученики вставали въ 6 часовъ. Но Песталоцци просыпался раньше ихъ, и ему случалось сзывать учителей къ своему изголовью въ два часа ночи, чтобы передать имъ свои распоряженія. Встав, воспитанники отправлялись на дворъ для умыванія на открытомъ воздухѣ холодною водой, вытекающей струями изъ длинной трубы съ просверленными отверстіями. Песталоцци начиналъ день религіоз-

ной или нравоучительной бесѣдой передъ собравшимися преподавателями и учениками. Это было хорошимъ обыкновеніемъ, такъ блестяще возстановленномъ въ наши дни въ нормальной школѣ въ Фонтенэ-о-Розъ Феликсомъ Пекò. Ни одинъ урокъ не продолжался болѣе часа. Они чередовались съ рекреаціями, употребляемыми на прогулки въ сосѣднія горы. Занятіямъ ремеслами (напримѣръ, переплетными, садовыми работами) удѣлялось столько же времени. Каждый ученикъ имѣлъ маленькую грядку для воздѣлыванія. Физическое воспитаніе, о которомъ Песталоцци почти нигдѣ не упоминаетъ, являлось отнюдь не заброшеннымъ. Занимались немного гимнастикой. Вечеръ отъ 7 до 8 часовъ былъ временемъ для свободныхъ умственныхъ занятій; работали для себя, писали письма, упражнялись въ рисованіи. Пѣніе играло большую роль въ педагогической системѣ Песталоцци: пѣли всегда и вездѣ, во время рекреацій, на прогулкахъ. Въ играхъ учителя присоединялись къ ученикамъ. Не существовало ни наказаній, ни наградъ. Песталоцци не признавалъ ни соревнованія, ни страха. Преподаватели отдавали отчетъ три раза въ недѣлю. Песталоцци часто принималъ воспитанниковъ группами въ 5, 6 человѣкъ. Онъ останавливалъ ихъ иногда въ корридорахъ, обращаясь къ нимъ съ вопросомъ: «А ты развѣ не хочешь быть добрымъ и разумнымъ?» Онъ не допускалъ иной

дисциплины, кромѣ дисциплины чувства долга, или скорѣе—привязанности, любви. Онъ не былъ для своихъ учениковъ учителемъ, онъ былъ «отцомъ Песталоцци», и всѣ ученики были его дѣтьми.

Этотъ режимъ очень напоминаетъ тотъ, который современные реформаторы воспитанія стараются ввести въ новоучреждаемыхъ заведеніяхъ, какъ «Collège de Normandie» или «École des Roches». Тогда же это было большой новинкой, и не слѣдуетъ удивляться тому успѣху, который она встрѣтила. Но на ряду съ блестящими страницами, ивердонская исторія содержитъ много печальныхъ эпизодовъ. Песталоцци былъ тамъ самымъ прославленнымъ и почитаемымъ изъ воспитателей и одновременно самымъ обезславленнымъ, самымъ униженнымъ изъ людей. Вокругъ него плелась цѣлая сѣть интригъ. Недостойныя ссоры разъединяли сотрудниковъ, которыхъ онъ былъ принужденъ взять себѣ въ помощники для преподаванія спеціальныхъ предметовъ, не обладая самъ достаточными познаніями. Благодаря его способности привлекать къ себѣ души, онъ привлекъ цѣлую толпу интеллигентныхъ молодыхъ людей. Но несчастье заключалось въ томъ, что самые выдающіеся и наиболѣе образованные изъ преподавателей обладали почти всѣ очень дурнымъ характеромъ: себялюбивые, рѣзкіе въ своихъ сужденіяхъ, они хотя и располагали науч-

ными познаніями, которыхъ недоставало Песталоцци, но не имѣли того, что составляло его силу,—доброты. Какъ примирить учителей, поддержать единство между людьми, отличающимися другъ отъ друга даже своей національностью, расовымъ духомъ,—въ Ивердонѣ были нѣмцы, французы, итальянцы,—не менѣе, чѣмъ всѣми своими стремленіями? Какъ, напримѣръ, заставить дѣйствовать въ согласіи богослова-идалиста Нидерера и математика-реалиста Шмидта? Чтобы достигнуть этого, нужна была энергичная рука администратора, изворотливость и ловкость, которыми великій педагогъ совершенно не располагалъ. У мѣста оказался бы, напримѣръ, Фелленбергъ, котораго Песталоцци называетъ «железнымъ человѣкомъ».

Отсюда проистекли многочисленные внутреніе раздоры, ссоры, за которыми слѣдовали отъѣзды и возвращенія. Царствовало какое-то вѣчное броженіе среди учителей, никогда не приходившихъ къ соглашенію между собою, терзавшихъ другъ друга и терзавшихъ своего начальника. Конфликтъ принялъ хроническій характеръ, и Песталоцци постоянно приходилось вмѣшиваться, чтобы возстановить миръ, миръ ненадежный и временный. Онъ обращался къ своимъ сотрудникамъ съ патетическими рѣчами, прерываемыми рыданіями. Онъ просилъ о состраданіи къ нему самому: «Я умолялъ г-на и г-жу Ни-

дереръ,—писалъ онъ,—избавить меня отъ мученій, которыя терплю въпродолженіи 6 лѣтъ». Иногда, измученный, истощивъ все свое терпѣніе, онъ убѣгалъ изъ этого ада въ горы въ Бюлле, гдѣ сочинялъ стихи, полные меланхолической покорности: «Въ бурные дни Богъ поддержалъ меня» и т. д.

Съ другой стороны, на него нападали и извнѣ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ встрѣчались фанатики, порицавшіе новаторовъ. Его обвиняли въ покровительствѣ антихристіанскихъ ученій. Развѣ онъ не написалъ, что «человѣкъ все можетъ, что ему достаточно пожелать, что онъ долженъ расчитывать лишь на самого себя! Тѣ изъ его коллегъ, которые остались строгими протестантами, первые бросили въ него камень.

Между тѣмъ онъ отличался религіозностью: у него была благочестивѣйшая душа: «Я узнаю руку Божію», говорилъ онъ каждый разъ, какъ на его долю выпадало какое-нибудь счастье. Но ему не прощали того, что онъ довольствовался естественной религіей, философскимъ деизмомъ, подобно Руссо, христіанствомъ чистаго разума. Чуткая душа Песталоцци тяжело страдала отъ обрушившихся на него нападокъ. Напрасно онъ восклицалъ: «Я хозяинъ у себя!» Бѣдякъ, дѣлавшійся раздражительнымъ и слабымъ по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ, все болѣе превращался въ игрушку и орудіе окружающихъ. Въ 1820 г.

онъ могъ еще обманывать себя иллюзіями. онъ заявлялъ: «Теперь я чувствую себя счастливымъ... Слава Богу! все идетъ хорошо. Вечеръ моей жизни тихъ и ясенъ»... Это продолжалось не долго. Упадокъ учебнаго заведенія начался въ 1824 г. и быстро пошелъ впередъ. Число учениковъ уменьшалось; самые надежные изъ его друзей покидали его. Завидуя Шмидту, который съ 1815 г. самовластно распоряжался въ заведеніи, Нидереръ и Крузи кончили тѣмъ, что основали въ самомъ Ивердонѣ школы, составляющія конкуренцію заведенію Песталоцци. Въ этихъ школахъ они намѣривались вести преподаваніе въ духѣ Песталоцци, томъ духѣ, который, по ихъ мнѣнію, сталъ чуждъ великому педагогу. Съ другой стороны, кантональный Совѣтъ Во требовалъ увольненія Шмидта, съ которымъ Песталоцци не хотѣлъ разстаться. Наконецъ усталый и упавшій духомъ добрый старикъ покорился судьбѣ и 2-го марта 1826 г. окончательно покинулъ Ивердонъ. «Мнѣ казалось, разсказываетъ онъ, будто я покончилъ со своею жизнью, такъ эта разлука была для меня мучительна». Онъ провелъ въ Ивердонѣ 20 лѣтъ; тамъ онъ достигъ апогея своей славы. «Такое учебное заведеніе, какимъ оно появилось на свѣтъ изъ нѣдръ хаоса въ Бургдорфѣ, такое, какимъ оно было въ Ивердонѣ среди неописуемаго безобразія, не было цѣлью моей жизни». Онъ всегда мечталъ о скромной сельской школѣ,

о занятіяхъ съ самыми маленькими дѣтьми. Тѣмъ не менѣе управленіе ивердонскимъ учебнымъ заведеніемъ, безъ сомнѣнія, осталось въ глазахъ справедливаго потомства одною изъ главныхъ заслугъ въ педагогической дѣятельности Песталоцци.

Въ 1888 г. Швейцарія воздвигла ему въ Ивердонѣ очень красивый памятникъ. Этотъ памятникъ служитъ украшеніемъ площади Песталоцци, расположенной рядомъ со старинымъ замкомъ. въ которомъ онъ провелъ конецъ своей жизни работая на пользу дѣла образованія. Онъ изображенъ стоя, энергичный и спокойный, съ изящно завязаннымъ галстухомъ, какъ онъ его никогда не носилъ въ дѣйствительности: вѣдь извѣстно, что ничто не могло быть небрежнѣе его костюма. Возлѣ его фигуры стоятъ дѣти, дѣвочка и мальчикъ, и будто слушаютъ, что онъ имъ говоритъ. Онъ указываетъ на дорогу въ школу — Ивердонскій замокъ, который продолжаетъ служить помѣщеніемъ для первоначальныхъ школъ города, съ ихъ 22 классами и тысячью учениковъ. Для прочаго преподаванія отведено другое помѣщеніе, которое имѣетъ видъ настоящаго дворца и на фасадѣ котораго помѣщены имена Песталоцци и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ: Роже-де-Гэма, Виллемена и т. д., написанныя большими буквами. Смѣло можно бы было помѣстить тамъ и имя Руссо.

Вообще охотно сопоставляютъ имена двухъ великихъ швейцарцевъ: Руссо и Песталоцци, такъ какъ видятъ въ нихъ двухъ героевъ современнаго воспитанія. Братья по происхожденію, гражданинъ Женевы и гражданинъ Цюриха были братьями и по сердцу, по своимъ стремленіямъ къ улучшенію дѣла воспитанія. Но въ Ивердонѣ это нравственное родство въ особенности даетъ о себѣ знать. Дѣйствительно въ 1762 г., за 40 лѣтъ до прибытія туда Песталоцци, Руссо пріѣхалъ въ Ивердонъ, это прелестное мѣсто, красоту котораго онъ такъ горячо восхвалялъ, чтобы грустно провести тамъ первые дни своего изгнанія послѣ осужденія «Эмиля» парижскимъ парламентомъ. Онъ писалъ изъ Ивердона: «Я буду бродить въ этихъ горахъ, пока не найду дикое убѣжище, чтобы провести тамъ остатокъ моихъ жалкихъ дней». Но изъ Ивердона, гдѣ онъ разсчитывалъ найти правосудіе и свободу, онъ былъ изгнанъ нѣсколько недѣль спустя ретрограднымъ бернскимъ правительствомъ и вынужденъ просить гостепріимства у прусскаго короля. Преобразованное революціей 1798 года, правительство призвало Песталоцци въ этотъ самый Ивердонъ, чтобы онъ продолжилъ тамъ на практикѣ то, что Руссо создалъ въ теоріи. Такимъ образомъ въ теченіе полустолѣтія одинъ и тотъ же городъ укрывалъ ихъ обоихъ, видѣлъ несчастнаго изгнанника, озлобленнаго и раздраженнаго преслѣ-

дованіями, и принялъ ученика Руссо полнаго рвенія и бодрости, также готоваго работать надъ перевоспитаніемъ человѣчества.

Песталоцци покинулъ Ивердонъ, грустный и неимущій, съ тѣмъ, чтобы снова поселиться въ Нейгофѣ. Шмидтъ, его неразлучный товарищъ, его «alter ego», обладающій, по крайней мѣрѣ, однимъ достоинствомъ — вѣрностью, дѣлилъ его одиночество. Съ удовольствіемъ увидѣлъ Песталоцци свое любимое жилище, гдѣ взлелѣялъ первые свои проекты умственной эмансипаціи бѣдняковъ. Несокрушимый въ своихъ надеждахъ, онъ думалъ основать тамъ школу для мальчиковъ. Но смерть приближалась... «Скоро я увижу небесный свѣтъ», говорилъ онъ. Нѣкоторыя изъявленія благодарности со стороны общества услаждали горечь его послѣднихъ дней. Жизнь отнеслась къ нему сурово, но потомство сочувствуетъ ему, и оно начало его оцѣнивать по заслугамъ раньше, чѣмъ онъ закрылъ глаза навѣки. Въ 1825 г. ежегодное собраніе швейцарскаго Общества, членомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе 29 лѣтъ, восторженно чествовало его и провозгласило своимъ предсѣдателемъ на слѣдующій годъ. Въ 1826 г. онъ посѣтилъ сиротскій пріютъ, гдѣ дѣти поднесли ему вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ. Но до послѣднихъ дней жизни онъ не былъ избавленъ отъ горестей. Даже на смертномъ одрѣ онъ подвергся оскорбленіямъ со стороны

Фелленберга, осмѣлившагося упрекнуть его, безкорыстнѣйшаго изъ людей, въ расхищеніи взносовъ, полученныхъ отъ подписчиковъ на первое полное собраніе его сочиненій, издаваемыхъ Котта; а также гнуснымъ памфлетомъ Бибера, появившимся именно въ 1827 году. «Я долженъ прожить еще 6 недѣль, — воскликнулъ умирающій, чтобы возразить на эту недостойную клевету!» Но силы его покинули. Онъ всегда злоупотреблялъ своимъ крѣпкимъ организмомъ, который онъ характеризовалъ словами: «У меня здоровье медвѣдя» и 17 февраля 1827 г. онъ тихо скончался со словами: «Я умираю безъ сожалѣнія. Я прощаю своимъ врагамъ и благословляю своихъ друзей»... Человѣкъ тридцать мужчинъ и столько же женщинъ, не болѣе, слѣдовали въ Биррѣ за погребальной колесницей одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ Швейцаріи.

Исторія жизни Песталоцци, какъ мы только что видѣли, тѣсно связана съ его практической дѣятельностью въ области воспитанія. Она открываетъ намъ во всемъ блескѣ высокія нравственныя качества, которыми онъ былъ одаренъ. Она указываетъ на его вѣчное стремленіе опредѣленно установить методъ народнаго образованія и воспитанія, несмотря на всѣ превратности его долгаго, безпокойнаго и бродячаго существованія.

Каковъ былъ этотъ методъ? Сознаемся, что

опредѣлить его довольно трудно. Нѣкоторые критики вышли довольно легко изъ этого затрудненія, говоря, что у Песталоцци не было никакого метода. Несомнѣнно, что онъ самъ не выразилъ его въ опредѣленныхъ формулахъ. Его методъ остался смутнымъ, неопредѣленнымъ въ его мозгу, болѣе способномъ къ пылкимъ фантазіямъ, чѣмъ къ построенію отвлеченной мысли. Дегютъ де-Траси выразилъ въ 1807 году въ письмѣ къ Менъ-де-Бирану подозрѣніе, что «методъ, о которомъ столько говорятъ, еще недостаточно разъясненъ въ умѣ его автора». Это было совершенно вѣрно. Песталоцци много искалъ, но не пришелъ къ окончательному заключенію. Онъ задумалъ великія дѣла и пустился въ путь съ намѣреніемъ исполнить ихъ; онъ волновался, выбивался изъ силъ, но не пришелъ ни къ чему. Собственно говоря, это—человѣкъ, не доведшій до конца. «Его теоріи,—говорилъ Штейнмюллеръ въ 1803 г..—соотвѣтствовали его опытамъ, а такъ какъ онъ производилъ опыты всю свою жизнь, то и теоріи его мѣнялись». Въ 1817 году въ письмѣ къ Нидереру онъ высказывалъ намѣреніе приступить къ разработкѣ своего метода. Слѣдовательно, онъ признавалъ, что въ то время его методъ еще не былъ окончательно выработанъ. Въ 1820 году онъ отвергъ мысли, изложенныя имъ въ 1801 г. въ «Письмехъ къ Гесснеру», какъ недостаточно зрѣлыя.

Кромѣ того, его комментаторы часто истолковывали его мысли согласно со своими собственными воззрѣніями, увеличивая такимъ образомъ ихъ неясность и искажая ихъ до неузнаваемости. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ иверданскихъ учениковъ, историкъ Вильмэнъ (Villemin) въ своихъ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ, впрочемъ, черезъ 50 лѣтъ съ лишнимъ послѣ его выхода изъ этого учебнаго заведенія. «То, что называли методомъ Песталоцци, являлось для насъ загадкой, такъ же, какъ и для преподавателей. Подобно тому, какъ каждый изъ учениковъ Сократа по своему понималъ ученіе великаго философа, такъ и каждый ученикъ Песталоцци считалъ себя единственнымъ, понявшимъ своего учителя, но кончили они тѣмъ, что объявили, будто Песталоцци самъ себя не понимаетъ...»

Однако, между различными и иногда противорѣчащими другъ другу пріемами, которые онъ пробовалъ поочередно, можно отличить и существенныя черты метода, который онъ стремился установить, преобладающія идеи, руководящія его преподаваніемъ и дѣлающія изъ его педагогики нѣчто цѣльное. Нашлись даже смѣлые ученики, предпринявшіе работу систематической классификаціи идей Песталоцци, на что едва ли давалъ право характеръ его творчества. Жюльенъ въ своемъ «Изложеніи метода», необдуманномъ и

грубомъ произведеніи, различаетъ въ методѣ Песталоцци 12 основныхъ принциповъ и 12 существенныхъ признаковъ, не больше и не меньше. Стараться заключить въ строгія формулы измѣнчивыя стремленія ума, находящагося всегда въ движеніи и никогда не бывшаго въ состояніи остановиться на чемъ-либо, составить этимъ стремленіямъ роспись,—это равносильно искаженію образца и пародированію оригинала, особенно если это сдѣлано съ избыткомъ анализа и щедростью въ подраздѣленіяхъ.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить господствующую идею метода: исходнымъ пунктомъ всякаго знанія, слѣдовательно, основаніемъ всякаго образованія служитъ у Песталоцци идея наглядности (Anschauung). Если бы Песталоцци опредѣлили какъ «педагога наглядности», то это было бы близко къ истинѣ. «Что я сдѣлалъ такого,—говоритъ онъ,—что могло бы считаться моимъ дѣяніемъ? Въ тотъ день, когда я призналъ въ «наглядности» абсолютный принципъ всякаго знанія, я установилъ высшій принципъ, господствующій въ наукѣ о воспитаніи». Впрочемъ, Коменскій и Базедовъ еще раньше него пришли къ той же истинѣ и старались примѣнить ее.

Что же такое «наглядность»? Это не есть только чувственное воспріятіе. «Наглядность» распространяется и на внутреннее сознаніе, на чувства и душевныя движенія въ равной степе-

ни, какъ и на ощущенія. «Наглядность»—это непосредственное впечатлѣніе, производимое на наши внѣшнія и внутреннія чувства физическимъ и нравственнымъ міромъ. «Наглядность» — это непосредственный личный опытъ, и если чувственныя воспріятія должны служить основаніемъ умственнаго воспитанія, то нравственныя чувства, чувства любви, довѣрія и благодарности, рано развитыя въ сознаніи ребенка, станутъ прочной и крѣпкой точкой опоры его нравственнаго воспитанія. Постараемся понять, какъ слѣдуетъ, мысль Песталоцци. Слишкомъ часто общеупотребительное преподаваніе даетъ ребенку съ самаго начала занятій отвлеченныя и общія понятія, не соотвѣтствующія ни въ чемъ его опыту. Ему говорятъ о рѣкахъ, объ океанахъ, тогда какъ онъ не видитъ даже лужи или ручейка, о горахъ и долинахъ, тогда какъ ему не приходится взбираться даже на холмы. Его учатъ великимъ словамъ «долгъ», «добродѣтель», не пробудивъ предварительно въ его сердцѣ нравственныхъ чувствъ. Такія постройки оказываются воздвигнутыми на пескѣ: засѣвается поле, которое не было обработано, на поверхности хрупкой памяти запечатлѣваются отрывки знаній, которые не могутъ пустить ростковъ въ умѣ и укорениться въ немъ. Это какъ бы вывѣски, слегка прикрѣпленныя къ непрочной и плохо выстроенной стѣнѣ,—вывѣски, кото-

рыя могутъ быть снесены первымъ порывомъ вѣтра.

Съ этимъ-то поверхностнымъ образованіемъ старыхъ монастырскихъ школъ Песталоцци хочетъ покончить. Закроемъ школы, въ которыхъ дѣйствуетъ учитель или книга! Откроемъ, напротивъ, школы, гдѣ ребенокъ, побуждаемый къ пользованію своими чувствами и къ упражненію своего сознанія, найдетъ въ самомъ себѣ начало своей дѣятельности, поддержку своему умственному и нравственному развитію, зародышъ, изъ котораго, подобно живому организму, подобно дубу, выростающему изъ жолудя, выйдетъ человѣческая личность, образованная, просвѣщенная и добродѣтельная. И одна лишь наглядность можетъ вложить въ умъ этотъ зародышъ. Вотъ почему Песталоцци, устраняя книги, прекращая злоупотребленіе дидактическими уроками, стремится поставить ребенка лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. «Не повергайте его въ лабиринтъ словъ, не давъ сформироваться его уму посредствомъ ознакомленія съ дѣйствительностью!» «Ребенокъ не нуждается въ посредникѣ между природой и собою». Онъ часто повторялъ: «Природа дѣлаетъ все».

Не слѣдуетъ однако думать, что Песталоцци ссылается на естественную наглядность,—такую, какою ее намъ даютъ чувства и сознаніе во всей ихъ сложности и неустойчивости. Надо, чтобы

она созрѣла благодаря медленному анализу. Въ «Письмахъ къ Гесснеру», подобно припѣву, безпрестанно повторяется фраза что ребенка слѣдуетъ вести отъ «смутныхъ наглядностей къ опредѣленнымъ понятіямъ», что надо поднять его» отъ неясныхъ наглядностей до опредѣленныхъ понятій». Не слѣдуетъ ли изъ этого, что воспитательнаго дѣйствія природы совершенно недостаточно, что первоначальныя наглядности нуждаются въ разъясненіи, анализѣ, что существуетъ наконецъ, «искусство наглядности?» И это искусство заключается въ организаціи цѣлаго ряда методически скомбинированныхъ упражненій, которыя поочередно предлагаются вниманію ребенка.

Какъ эти упражненія должны быть расположены? Согласно принципу, ясно установленному Песталоцци и разработанному Гербартомъ,—принципу «послѣдовательности» или, есть хотите, «концентраціи». Будемъ остерегаться раздробленія, которое слишкомъ распространено въ обыкновенномъ курсѣ ученія, въ преподаваніи, гдѣ безпорядочно сопоставляются понятія, не имѣющія между собою никакой связи, подобно плохо соединеннымъ частицамъ, плохо составленной мозаикѣ. Подобно тому, какъ для знаній нужна точка опоры, какою является наглядность, точно такъ же нужны связь и порядокъ въ ихъ развитіи, и въ этомъ заключается методъ. Различныя понятія, изъ которыхъ составлено эле-

ментарное образованіе, должны даваться ребенку безпрерывнымъ рядомъ, безъ пробѣловъ». Къ каждой «наглядности» слѣдуетъ присоединять, какъ къ исходной мысли, всѣ факты, принадлежащіе къ данному разряду мыслей. Никогда не слѣдуетъ уничтожать связь между вчерашнимъ и сегодняшнимъ уроками, притомъ слѣдуетъ съ умышленной медлительностью держать ученика—и на этомъ Песталоцци особенно настаиваетъ—на каждомъ упражненіи до тѣхъ поръ, пока онъ не усвоитъ его въ совершенствѣ. Ему можно позволить сдѣлать шагъ впередъ, подвинуться немного дальше, только когда онъ основательно усвоитъ уже пройденное имъ. Ничто не противорѣчитъ въ такой степени хорошей системѣ преподаванія, какъ слишкомъ быстрый переходъ отъ одного знанія къ другому безъ увѣренности, что предшествующее знаніе усвоено вполнѣ и что оно дѣлаетъ возможнымъ и нетруднымъ послѣдующее знаніе. Все, что не полно въ своемъ зародышѣ, не будетъ имѣть успѣха въ своемъ развитіи. Кромѣ того, довольствоваться половиннымъ успѣхомъ—большое зло въ воспитаніи; важно пріучить ребенка дѣлать хорошо все, что онъ дѣлаетъ, заставить его стремиться къ совершенству. М-мъ де-Сталь охарактеризовала методъ Песталоцци словами: «Въ методѣ Песталоцци нѣтъ полумѣръ».

Въ послѣдовательности и постепенности упраж-

ненiй, рекомендуемыхъ для того. чтобы первыя «наглядности» принесли плоды, Песталоцци старается, впрочемъ, слѣдовать указаніямъ природы. А природа требуетъ, чтобы переходили не отъ простого къ сложному, что является двусмысленнымъ и спорнымъ, а отъ близкаго къ болѣе отдаленному, что гораздо понятнѣе. Наблюдательность ребенка должна распространяться подобно лучамъ: исходя отъ того, что доступно его осязанію, что онъ видитъ вокругъ себя, переходить къ тому, что расположено поблизости, и мало-по-малу къ предметамъ болѣе отдаленнымъ. «Знаніе начинается вокругъ человѣка и оттуда распространяется концентрически». Чтобы тутъ же дать примѣръ примѣненія этого принципа, укажемъ на упраженія въ наглядности и въ рѣчи, предложенныя Песталоцци, или скорѣе его ученикомъ, Крузи, проредактировавшимъ три четверти этого маленькаго изданія, въ «Руководствѣ для матерей», ученикамъ бургдорфскаго учебнаго заведенія. Ничто не стоитъ ближе къ намъ нашего собственнаго тѣла. Слѣдовательно надо, чтобы ребенокъ прежде всего остального зналъ и былъ въ состояніи назвать всѣ части своего тѣла. Не вдохновился ли Жанъ Масе идеей Песталоцци, пиша «Исторію кусочка хлѣба»? Надо, чтобы ученикъ умѣлъ назвать кости нижней челюсти, верхней челюсти, углы рта и т. д., какъ это дѣлается въ скучныхъ перечисленіяхъ. Ко-

нечно, эти упражненія въ рѣчи вызываютъ смѣхъ, занимая болѣе 50 страницъ. Французскій критикъ Дюссо выразился въ шутку: «Песталоцци прилагаетъ во вредъ себѣ много труда, чтобы сообщить своимъ ученикамъ, что ихъ носъ помѣщается посреди лица».

Идея, освобожденная отъ смѣшныхъ ребячествъ, въ которыя Крузи облекъ ее, сама по себѣ не заслуживаетъ между тѣмъ презрѣнія. Мэнъ де-Биранъ хвалилъ Песталоцци именно за то, что послѣдній стремился прежде всего развить въ ребенкѣ способность «наглядности» и разсужденія посредствомъ описательнаго анализа самаго близкаго и наиболѣе интереснаго для ознакомленія предмета,—человѣческаго тѣла. Въ особенности заслуживаетъ вниманія искусство, съ которымъ Песталоцци въ написанныхъ его рукою частяхъ книги присоединяетъ къ перечисленію всѣхъ нашихъ органовъ изученіе ихъ отправленій, и какъ анализъ этихъ отправленій самъ собою приводитъ къ цѣлому ряду полезныхъ замѣчаній относительно предметовъ, съ которыми наши органы ставятъ насъ въ соприкосновеніе, съ людьми, животными, растеніями, со всѣмъ, что мы видимъ и слышимъ.

Песталоцци написалъ слѣдующую фразу, которая какъ бы резюмируетъ всю его педагогію: «Для каждой отрасли знанія должны существовать группы упражненій, исходный пунктъ ко-

торыхъ былъ бы доступенъ всѣмъ, наглядность и правильная связь между которыми (градація. послѣдовательность). давая примѣненіе способностямъ ребенка, не истощая и даже не утомляя ихъ, способствовала бы постоянному. легкому и пріятному успѣху». Вся суть метода Песталоцци заключается въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ: принципъ наглядности. принципъ строгой связи между послѣдовательными уроками; а также два другихъ принципа. о которыхъ намъ еще остается упомянуть и которые притомъ находятся въ связи съ предшествующими: только тотъ методъ преподаванія можетъ считаться хорошимъ, который вызываетъ дѣятельность и слѣдовательно возбуждаетъ интересъ.

Интенсивное развитіе способностей, укрѣпленныхъ. расширенныхъ чрезъ упражненія, важнѣе. чѣмъ напряженность положительнаго знанія. Дѣйствительно умственный ростъ зависитъ отъ упражненія, отъ постоянной дѣятельности. Природа,— говоритъ Песталоцци въ «Вечерѣ отшельника» — развиваетъ всѣ силы человѣчества посредствомъ упражненія и ихъ ростъ обусловливается ихъ примѣненіемъ». Необходимо, чтобы ребенокъ дѣйствовалъ, чтобы его глаза, его голосъ и его руки были постоянно заняты. Итакъ долой лѣнивыя чтенія, длинныя машинальныя повторенія наизусть! Долой эти сонные, полумертвые уроки, въ которыхъ учитель, повинуясь рутинѣ, дик-

туетъ или излагаетъ свой предметъ бѣднымъ слушателямъ, слѣдящимъ за однообразными уроками съ болѣе или менѣе разсѣяннымъ вниманіемъ и навѣрняка со скукой! Истинная школа та, въ которой дѣйствуютъ всѣ, какъ учитель, такъ и ученики. Преподаватель говоритъ, произноситъ фразы, ученики ихъ повторяютъ. Преподаватель предлагаетъ вопросы, ученики думаютъ и отвѣчаютъ. Длинныя изложенія утомляютъ, вопросы же возбуждаютъ и оживляютъ. Дѣятельность—источникъ счастія въ жизни, является также и условіемъ прогресса въ школѣ.

Будемъ постоянно оживлять, пробуждать разумъ! Заставимъ преобладать активныя способности, вниманіе и сужденіе надъ пассивными, такими, какъ память! Замѣнимъ машинальные уроки активными, возбуждающими вниманіе, пробуждающими волю и приводящими въ движеніе внутреннія душевныя силы.

Можетъ быть, возразятъ, что этотъ призывъ къ дѣятельности не согласуется какъ будто бы съ тѣмъ, что извѣстно относительно школьной дѣятельности Песталоцци, съ тѣмъ чрезмѣрнымъ рвеніемъ, которое онъ самъ проявлялъ въ преподаваніи. Развѣ преподаватель, дѣйствующій подобно ему, даетъ возможность проявиться инициативѣ у учениковъ? Въ Станѣ онъ всегда находился въ движеніи, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, понукая дѣтей и не давая имъ

ни одной минуты для раздумья. Въ Бургдорфѣ онъ «съ утра до вечера» выкрикивалъ азбуку оглушительнымъ голосомъ, доходя иногда до хрипоты, и утверждалъ, будто дѣти находятъ чрезвычайное удовольствіе въ томъ, чтобы повторять за нимъ: б—а, ба. На это одинъ изъ его учениковъ иронически возражаетъ: «Скорѣе можно сказать, что ихъ ангеламъ-хранителямъ было отъ чего сбѣжать!» Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что дѣятельность учителя вызоветъ дѣятельность ученика. Флоберъ сказалъ гдѣ-то: «Просвѣщайтесь сами просвѣщенные классы! Раньше, чѣмъ посылать въ школу народъ, идите туда сами!» Можно такимъ же образомъ сказать преподавателямъ: «Вы хотите заинтересовать ребенка. Начните съ того, чтобы заинтересоваться самимъ вашимъ преподаваніемъ. Нельзя сообщить волненія, котораго вы сами не испытываете, заставить раздѣлять вкусы, которыхъ у васъ нѣтъ. Если хотите получить, надо сначала дать».

Не подлежитъ сомнѣнію, что на практикѣ Песталоцци часто противорѣчилъ самъ себѣ. Несмотря на свои добрыя намѣренія, онъ также впадалъ въ рутину и машинальное преподаваніе. Во всякомъ случаѣ излишняя и шумная дѣятельность Песталоцци совсѣмъ не препятствовала дѣятельности его учениковъ, имѣя, наоборотъ, цѣлью вызывать и поддерживать ее. Если онъ волновался, то дѣлалъ это для того, чтобы под-

бодрить трудолюбивыхъ въ ихъ рвеніи и пробудить лѣнивыхъ отъ спячки. Если онъ дѣйствовалъ, то для того, чтобы заставить дѣйствовать. Онъ подавалъ примѣръ движенія, усилія, и за нимъ слѣдовали. Не заключается ли вѣрное средство вызвать къ жизни другихъ въ томъ, чтобы прежде всего быть самому живымъ?

Активное обученіе, когда учитель, указывая дорогу, заставляетъ самого ребенка идти, когда онъ прежде всего старается доставить случаи для упражненія наблюдательности и личнаго опыта, не имѣетъ непосредственно въ результатѣ исполненіе задачи воспитанія, т.-е. образованія человѣческихъ способностей. Оно содѣйствуетъ косвенно этому результату, возбуждая интересъ, извлекая пользу изъ привлекательности, которою обладаетъ курсъ ученія подъ руководствомъ хорошаго преподавателя. Здѣсь, конечно, подразумѣвается не та привлекательность, которая избавляетъ отъ усилія и имѣетъ тенденцію сдѣлать изъ серьезнаго ученія дѣтскую забаву, но, напротивъ, привлекательность, укрѣпляющая усиліе, помогающая ему, Песталоцци, заимствовавшій кое-что у Базедова и филантропической школы, не впадаетъ однако, подобно имъ, въ ребячество занимательнаго преподаванія. «Все должно содѣйствовать привлекательности преподаванія». Песталоцци произнесъ эти слова раньше Герберта Спенсера относительно педагогической

системы, въ которой все стремилось быть свѣтлымъ и яснымъ, въ которой истина, исходя изъ наглядности, дѣлала безполезными многословныя объясненія, дѣйствительныя для просвѣщенія ума и разсѣянія заблужденій почти на столько же, на сколько можетъ быть дѣйствителенъ звонъ колоколовъ для предотвращенія опасности мятели, въ которой, наконецъ, комбинировались самыя искусныя средства, способствуя постепенному шествію впередъ, переходу ума отъ легкаго къ трудному и доставленію подъ конецъ ученику великой радости - возможности дѣйствовать.

Таково было главное стремленіе Песталоцци. Принимая у себя въ 1816 г. Андрея Белль, бывшаго вмѣстѣ съ Ланкастеромъ пропагандистомъ въ Англіи взаимнаго обученія, онъ любезно изложилъ ему свой методъ. Бель, въ свою очередь, познакомилъ его со своимъ. Сошлись два педагога, но ихъ души остались непроницаемыми другъ для друга. Белль уѣхалъ, нетронутый любезностью Песталоцци; онъ не нашелъ ничего, достойнаго одобренія въ правилахъ, которымъ слѣдовали въ Ивердонѣ. А между тѣмъ Песталоцци долго объяснялъ ихъ ему. Онъ изложилъ, что между всевозможными двигателями, побуждающими къ дѣятельности, онъ на первомъ планѣ ставитъ интересъ къ ученію, интересъ, который не можетъ не быть вызванъ простымъ, безъискусственнымъ, прогрессивнымъ обученіемъ,

точно приспособленнымъ къ уровню умственнаго развитія ребенка, что онъ искореняетъ, насколько это возможно, самолюбіе и принимаетъ во вниманіе лишь преданность долгу, привязанность къ родителямъ и учителямъ.

Послѣдній пунктъ, заслуживающій вниманія между отличительными чертами метода Песталоцци, это его усиленная забота объ упрощеніи пріемовъ преподаванія, упрощеніи, доходящемъ до такой степени, что они дѣлаются доступными даже для не свѣдующихъ. Похвальное намѣреніе, къ сожалѣнію вызвавшее неправильныя и утрированныя заключенія. «Вы хотите сдѣлать преподаваніе механическимъ», сказали ему однажды; и Песталоцци охотно согласился съ этимъ неожиданнымъ опредѣленіемъ своего метода. Онъ дѣйствительно мечталъ о пріемахъ преподаванія, настолько простыхъ и ясныхъ, чтобы мало подготовленный преподаватель, мало образованная мать, старшая сестра и даже преданная служанка могли пользоваться ими. Онъ лелѣялъ мечту о методѣ, сила котораго крылась бы въ совершенствѣ его пружины, а не въ искусствѣ тѣхъ, кто его примѣняетъ; о машинѣ, до такой степени совершенной въ смыслѣ опредѣленности составныхъ частей, чтобы самый неловкій работникъ могъ успѣшно приводить ее въ дѣйствіе. Упрощать это великое искусство, по его мнѣнію. Въ своемъ увлеченіи этой идеей онъ даже доходилъ до

утвержденія, будто нормальныя школы, школьныя библіотеки совершенно безполезны для созданія народныхъ воспитателей, что въ будущемъ будетъ совершенно достаточно снабжать преподавателей «Книгой для матерей», о которой онъ такъ пространно говоритъ въ своихъ «Письмахъ къ Гесснеру», но которую никакъ не могъ найти времени написать. Этимъ заявленіемъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ, ибо никогда ни одинъ педагогъ не расточалъ своихъ силъ такъ, какъ онъ, и не вкладывалъ такъ свою душу въ дѣло воспитанія. Но онъ предполагалъ, что, когда образованіе станетъ общимъ, очень трудно, если не невозможно, будетъ требовать отъ безчисленныхъ педагоговъ, разсѣянныхъ по школамъ, рвенія и энтузіазма, которыми онъ самъ обладалъ. Вотъ почему онъ въ будущности народовъ соединялъ успѣхъ элементарнаго образованія съ изобрѣтеніемъ инструмента, педагогической машины, настолько усовершенствованной, чтобы трудъ педагога низводился почти до нуля. Прибавимъ еще, что этотъ великій другъ школы позволялъ себѣ иногда смотрѣть на нее, какъ на своего рода худшее въ худшемъ, какъ на временное средство, къ которому насъ временно принуждаютъ невѣжество родителей и ихъ прискорбная неспособность воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ замышлялъ свой планъ упрощенія методовъ, имѣя въ виду не только слабость дѣт-

скаго ума. Онъ работалъ главнымъ образомъ для того, чтобы осуществить свою завѣтную мечту: воспитаніе ребенка матерью. Онъ охотно согласился бы на упраздненіе элементарной школы, чтобы замѣнить ее «комнатой въ семьѣ», гдѣ внимательная и нѣжная мать, работница, крестьянка или представительница буржуазіи, безразлично,—вооруженная «Руководствомъ», сама воспитывала бы своихъ сыновей и дочерей.

На этихъ существенныхъ принципахъ основаны пріемы Песталоцци; пріемы по большей части скорѣе остроумные, нежели прочные, и свидѣтельствующіе скорѣе о доброй волѣ, чѣмъ о ловкости и умѣніи.

Какъ мы уже раньше говорили, Песталоцци на практикѣ часто измѣнялъ своимъ теоретическимъ положеніямъ. Проповѣдникъ наглядности и естественнаго метода воспитанія, онъ не даетъ естественнымъ законамъ дѣйствовать въ достаточной степени и порабощаетъ наглядность очень искусственными правилами. Онъ заключаетъ ребенка, въ которомъ намѣренъ воспитать свободныя стремленія и самопроизвольность направленія, въ узкую сѣть кропотливыхъ методическихъ упражненій, среди которыхъ его самобытность сильно рискуетъ исчезнуть, его инициатива стѣснена и подавлена. Разсказываютъ исторію объ одномъ очень изобрѣтательномъ пчеловодѣ, который въ одинъ прекрасный день пришелъ къ убѣжденію,

будто пчелы, собирая медъ, доставляютъ себѣ слишкомъ много труда, летая взадъ и впередъ изъ сада въ садъ, съ цвѣтка на цвѣтокъ. Ему пришла въ голову мысль, нарвать для нихъ массу всевозможныхъ цвѣтовъ и заботливо составить изъ нихъ букеты, которые онъ и положилъ у ульевъ. Исторія умалчиваетъ, отказались ли пчелы свободно летать по полямъ и отважно собирать свой медъ въ садахъ, а также былъ ли медъ въ сотахъ тѣхъ пчелъ, которыя удовольствовались приготовленными для нихъ цвѣтами, — если только такія нашлись,—лучше, чѣмъ у другихъ... Развѣ Песталоцци не впалъ въ подобное же заблужденіе, думая, что ребенка нужно заставлять заключать мысль въ строгія рамки перечисленій предметовъ, приведенныхъ въ систематическій порядокъ, вмѣсто того, чтобы давать относительную свободу развитію его наблюдательности. Не совсѣмъ безосновательно было кѣмъ-то сказано, что примѣненіе пріемовъ Песталоцци явилось бы роковымъ и смертельнымъ для воображенія. Надо руководить, а не сдерживать свободу дѣтскаго ума. Для того, чтобы научить ходить младенца не прибѣгаютъ къ помощи полицейскаго,—точно также неумѣстно подвергать его игу геометрической дисциплины, чтобы научить его наблюдать и мыслить. Пусть ребенокъ попробуетъ идти одинъ, хотя бы рискуя сдѣлать нѣсколько невѣрныхъ шаговъ! Позволимъ ему смотрѣть направо и налѣво, наблю-

дать свободно, какъ ему вздумается, рискуя дать ему ошибиться въ его изслѣдованіяхъ и впасть, быть можетъ, не разъ въ заблужденіе. Только такою цѣною онъ научится самостоятельно мыслить. Напротивъ, чрезмѣрное слѣдованіе уставнымъ правиламъ подавило, уничтожило бы ту природную произвольность, которую нужно уважать для того, чтобы воспитывалось мышленіе гибкое, богатое образами и мыслями, и создавались свободные умы.

Искусственныя, ложныя стороны въ пріемахъ Песталоцци великолѣпно освѣщены сатирической картинкой, набросанной Рамзауэромъ, быть можетъ, нѣсколько сгущенными красками, по поводу упражненій, въ которыхъ онъ въ свою бытность въ Бургдорфскомъ учебномъ заведеніи принималъ участіе. «Мы были особенно тверды въ словесныхъ упражненіяхъ преимущественно, когда рѣчь шла о старыхъ, дырявыхъ обояхъ, которые Песталоцци принуждалъ насъ разсматривать во всѣхъ подробностяхъ въ продолженіи цѣлыхъ часовъ.—Дѣти, что́ вы видите?—Я вижу дыру въ обояхъ.—Хорошо, повторите за мною: я вижу дыру въ обояхъ, я вижу длинную дыру въ обояхъ! За обоями я вижу стѣну и т. д.».. Эти нѣсколько смѣшныя упражненія—лишь карикатура на наглядное преподаваніе. Вмѣсто разорванныхъ и негодныхъ обоевъ, которые по бѣдности школьной обстановки Песталоцци за-

ставлялъ своихъ учениковъ изучать и обстоятельный анализъ которыхъ, конечно. не могъ возбудить интереса, считаемаго имъ, однако, началомъ прогресса въ ученіи,—почему онъ не показывалъ имъ естественныхъ предметовъ, давая такимъ образомъ настоящій матеріалъ для хорошо усваиваемыхъ уроковъ о вещахъ?! Изслѣдованіе послѣднихъ не только давало бы поводъ для томительно скучныхъ словесныхъ упражненій, но и мѣсто цѣлому ряду интересныхъ наблюденій и способствовало бы пріобрѣтенію столькихъ полезныхъ и практическихъ знаній! И въ самихъ обояхъ, какъ ни жалокъ этотъ предметъ изученія, онъ долженъ бы былъ обратить вниманіе учениковъ не на случайную форму рисунка, не на длину, ширину и число дыръ, а на нѣчто другое, напримѣръ, сообщить имъ, изъ чего обои сдѣланы, какіе работники изготовили ихъ, для какого употребленія они предназначены.

По странному противорѣчію со своими собственными принципами, Песталоцци забывалъ дѣйствительность, природу вещей и останавливался на вопросахъ словаря. Поступая такъ, онъ, впрочемъ, имѣлъ намѣреніе примѣнить одну изъ своихъ излюбленныхъ теорій, которой онъ совершенно ошибочно приписывалъ первенствующее значеніе. Я имѣю въ виду знаменитую классификацію, заключающуюся въ томъ, что всѣ элементарныя знанія сводились къ тремъ принци-

памъ, къ нѣкотораго рода трилогіи: числу, формѣ и слову, или, другими словами, къ ариѳметикѣ, геометріи и языку. Въ простотѣ своей нѣсколько близорукой философіи Песталоцци льстилъ себя мыслью, что сдѣлалъ великое открытіе. Онъ смотрѣлъ на свою теорію, какъ на своего рода чудесное откровеніе, которое, по его словамъ, ему дано какимъ то «Deux ex machina», пожелавшимъ вывести его изъ затрудненія, какъ на молнію, внезапно освѣтившую его «неясныя и нерѣшительныя мечты». Его особенно соблазняло, что такимъ образомъ ему удастся отдѣлить въ предметахъ существенное отъ второстепеннаго, качества, присущія всѣмъ предметамъ одной категоріи, отъ такихъ, которыя являются лишь случайными. Все, что физически существуетъ, имѣетъ форму; всѣ предметы можно считать, складывать; наконецъ, всѣ они могутъ быть выражены словами. Но прежде всего, къ чему дѣлать отдѣльную категорію для «слова», если «слово» служитъ выраженіемъ всякой мысли, какова бы она ни была, если считать единицы, опредѣлять формы можно не иначе, какъ словами? Съ другой стороны, развѣ предметы въ природѣ не обладаютъ другими качествами, свойственными всѣмъ имъ? Какимъ образомъ Посталоцци, часто приводящій въ примѣръ женщинъ изъ Аппенцелля вслѣдствіе присущей послѣднимъ привычки привѣшивать къ колыбели новорожденныхъ бу-

мажные, разноцвѣтные цвѣты, могъ забыть, что цвѣтъ—также качество, общее всѣмъ предметамъ? А составъ тѣлъ, ихъ употребленіе, ихъ причины и слѣдствія? Почему не дать всему этому мѣста въ элементарномъ обученіи? Въ сущности ребенокъ, умѣющій лишь считать, измѣрять и говорить, не можетъ считаться образованнымъ. Если его знанія не пойдутъ дальше, то окажутся далеко недостаточными: у ребенка не будетъ тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыя ему могутъ дать естественныя и физическія науки. Изъ всѣхъ существующихъ сложныхъ понятій о вселенной и живой природѣ ему будутъ доступны, какъ счетчику и математику, лишь два отвлеченныхъ понятія, о фигурѣ и числѣ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на узкомъ и несостоятельномъ положеніи, доказывающемъ, что умы, наиболѣе освободившіеся отъ старой рутины, склонны создавать себѣ новую. Мы отмѣтимъ лишь одинъ пунктъ: значеніе, которое Песталоцци не безосновательно придавалъ изученію словъ. Рѣчь, дѣйствительно, является существеннымъ условіемъ освобожденія умовъ, если она точно отвѣчаетъ воспріятіямъ, если точно выражаетъ опредѣленную и ясную мысль. Нельзя достаточно похвалить Песталоцци за то, что онъ такъ усердно искалъ практическіе способы, могущіе установить въ сознаніи и на устахъ ребенка строгое соотвѣтствіе между мыслью и сло-

вомъ. «Если народы Европы, — говоритъ онъ, — пали такъ низко, то это случилось только потому, что въ народныхъ школахъ, лишенныхъ смысла, словамъ придавали такое большое значеніе, что уничтожили въ человѣческомъ умѣ не только внимательное отношеніе къ впечатлѣніямъ, доставляемымъ природою, но даже и способность воспринимать эти впечатлѣнія. Дѣтей не научали говорить»... Языкъ слѣдуетъ изучать посредствомъ практическаго употребленія его, и, какъ сказано, устранять грамматику. Правда, и здѣсь искусственный механизмъ недостаточно строго осуждается имъ. Нетерпѣливый, стремящійся поскорѣе увеличить запасъ словъ у учениковъ, онъ заставлялъ ихъ заучивать наизусть длинные ряды словъ, которыя не могли имъ служить на практикѣ, и, кромѣ того, онъ совершенно напрасно переходилъ въ своихъ словесныхъ упражненіяхъ за предѣлы области уже пріобрѣтенныхъ воспріятій. Точно такъ же подъ предлогомъ, что прежде, чѣмъ умѣть опредѣлять, надо умѣть описывать, онъ заставлялъ ихъ говорить наизусть готовыя описанія, напр.: описанія шествія или стоянки. Противникъ книжнаго обученія и школьной болтовни самъ садился на мель въ разныхъ разглагольствованіяхъ.

Онъ говорилъ: «Моя система – усовершенствованіе природы». Онъ дѣйствительно совершенствовалъ и доводилъ до крайности. Посмотримъ,

напримѣръ, какъ онъ смотрѣлъ на обученіе рисованію. Природа, по его словамъ, не даетъ ребенку линій, она предлагаетъ ему предметы во всей разнообразной сложности ихъ формъ. Изъ этого, повидимому, вытекаетъ логическое заключеніе, что при первыхъ же попыткахъ ребенка къ рисованію его нужно заставлять упражняться въ изображеніи предметовъ именно такими, какими онъ ихъ видитъ. Но Песталоцци совершенно иного мнѣнія: онъ требуетъ, напротивъ, чтобы ребенка заставляли чертить линіи, кривыя, углы. Въ этомъ онъ шелъ въ разрѣзъ съ первоначальнымъ инстинктомъ человѣчества и дѣтства. Сообщаютъ же намъ путешественники, что у африканскихъ племенъ, напримѣръ, понятіе о прямомъ углѣ отсутствуетъ и что въ Абиссиніи и Конго дома и хижины обыкновенно круглые. Отвлеченность господствуетъ въ этой своеобразной азбукѣ наглядности, въ которой Песталоцци старался свести къ геометрическимъ формамъ разнообразіе формъ въ природѣ. Невольно улыбнешься при слѣдующемъ очень серьезномъ заявленіи: «Если за мною есть какая-нибудь заслуга въ жизни, то она заключается въ томъ, что я положилъ четырехугольникъ въ основу наглядnаго преподаванія». Къ счастью, Песталоцци имѣлъ и другія заслуги. «Велико заблужденіе тѣхъ,—пишетъ Равессонъ, весьма свѣдущій въ этомъ предметѣ, — кто хочетъ свести искусство рисованія къ своего рода наукѣ, осно-

ванной на геометріи. Это было изобрѣтеніемъ Песталоцци, думавшаго, что онъ нашелъ такимъ образомъ средство сдѣлать рисованіе доступнымъ для рабочихъ класовъ». Равессонъ замѣчаетъ въ заключеніе, что упрощать контуры предметовъ, столь сложныя у всего живущаго, сводить ихъ къ прямымъ и круглымъ линіямъ, значитъ искажать формы, уничтожать ихъ, по примѣру матеріалистовъ. Безъ сомнѣнія, въ идеѣ Песталоцци не было и слѣда матеріализма, онъ просто поддался стремленію ввести въ элементарное обученіе чисто геометрическую точность. Это направленіе выступило еще съ большей рѣзкостью въ Ивердонѣ, гдѣ подъ вліяніемъ Шмидта математика стала главнымъ занятіемъ. Отецъ Жираръ замѣтилъ по этому поводу въ своемъ «Офиціальномъ отчетѣ 1868 г.»: «Я обратилъ вниманіе моего стараго друга Песталоцци, что у него отведено слишкомъ много мѣста математикѣ и что я опасаюсь вслѣдствіе этого за результаты воспитанія». Песталоцци не защищался и отвѣтилъ съ обычной живостью: «Это дѣлается для того, чтобы дѣти не вѣрили ничему, что не можетъ имъ быть доказано, какъ дважды два четыре». Не безъ удивленія находимъ мы у защитника природы, вслѣдствіе невольнаго уклоненія отъ принциповъ и искусственные пріемы принужденія и крайней регламентаціи. Онъ утверждалъ, будто для того, чтобы научить ребенка распо-

знавать деревья и растенія, не надо его водить ни въ лѣсъ, ни на лугъ. Мотивировалъ онъ это тѣмъ, что въ лѣсу и на лугу смѣшаны разные виды деревьевъ и растеній. Въ заключеніе скажемъ, что онъ шелъ нѣсколько наугадъ, переходя отъ одного метода къ другому, болѣе способный къ внезапнымъ вдохновеніямъ, чѣмъ къ обоснованнымъ разсужденіямъ. «Я чувствую каждый день, насколько мнѣ незнакомы результаты моего метода». Ему было бы не менѣе трудно привести въ порядокъ его правила, такъ часто противорѣчивыя. Во многихъ отношеніяхъ онъ сдѣлалъ удачныя нововведенія; онъ примѣнилъ принципъ наглядности. Въ Ивердонѣ онъ давалъ уроки географіи въ долинахъ, на вершинахъ Юрскихъ горъ. Ученики приносили съ своихъ экскурсій глину, которую употребляли потомъ для воспроизведенія въ видѣ рельефа долины, которую только что изучали на мѣстѣ. Лишь послѣ нѣсколькихъ дней работы, когда рельефъ былъ оконченъ, переходили къ изученію картъ. Знаменитый нѣмецкій географъ Карлъ Риттеръ убѣжденъ, что обязанъ Песталоцци тѣмъ вдохновеніемъ, которое руководило имъ въ его работахъ: «Песталоцци, –говоритъ онъ,—не зналъ по географіи того, что знаетъ ребенокъ въ нашихъ первоначальныхъ школахъ; однако, бесѣдуя съ нимъ во время неоднократныхъ посѣщеній Ивердона, я почувствовалъ, какъ во мнѣ

пробудилось влеченіе къ естественнымъ методамъ».

Песталоцци явился иниціаторомъ многихъ пріемовъ, извѣстныхъ въ настоящее время въ школахъ всѣхъ странъ свѣта. Сколько преподавателей, сами того не зная, могутъ считаться послѣдователями Песталоцци! Онъ чуть-ли не первый замѣнилъ чтеніе словесными упражненіями, что является капитальной реформой. Для того чтобы научить говорить, онъ не всегда избиралъ темой старые обои, какъ въ Бургдорфѣ; онъ требовалъ, чтобы ребенка заставляли видѣть, слышать, трогать предметы, которые ему понравились и привлекали его вниманіе. Онъ, насколько возможно, откладывалъ чтеніе. По его мнѣнію, ребенокъ долженъ умѣть говорить, прежде чѣмъ учиться читать. Для чтенія онъ употреблялъ подвижныя буквы, приклеенныя на кускѣ картона. Такимъ образомъ, передвигая ихъ, ребенокъ могъ имѣть передъ глазами всѣ сочетанія звуковъ. Чтобы поражать чувства, онъ изощрялся въ маленькихъ изобрѣтеніяхъ: такъ, напримѣръ, гласныя были окрашены имъ въ красный цвѣтъ. Большое значеніе придавалось имъ ритмическому складыванію буквъ: ученики повторяли хоромъ букву или слогъ, который разбирали. Письмо онъ ставилъ послѣ рисованія: «Письмо есть родъ спеціальнаго линейнаго рисованія, которое является для ребенка лишь игрою, если его глаза и его

руки упражнялись надлежащимъ образомъ». Для письма, также какъ для рисованія, онъ рекомендовалъ аспидную доску и грифель, которымъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ перомъ и бумагой. Онъ преподавалъ ариѳметику на опытахъ и конкретными способами. Прежде, чѣмъ понять числа *in abstracto*, ученикъ долженъ усвоить ихъ матеріальную цѣнность, складывая реальные предметы: вишни, орѣхи и т. д. Прежде, чѣмъ дѣлать вычисленія при помощи символовъ: 10, 12, надо, чтобъ онъ сосчиталъ вещественно десять пальцевъ на рукѣ, двѣнадцать мѣсяцевъ въ году. Первыя вычисленія должны быть сдѣланы въ головѣ, мысленно, безъ помощи бумаги. Песталоцци является однимъ изъ сторонниковъ устнаго исчисленія. Его ученики въ Бургдорфѣ и Ивердонѣ пріобрѣтали въ короткое время поразительный навыкъ въ подобнаго рода упражненіяхъ. Точно такъ же въ геометріи сначала производились опыты съ предметами. «Мы изобрѣтали геометрію», замѣтилъ одинъ изъ учениковъ Ивердона.

Элементарное образованіе по плану Песталоцци имѣетъ, по его собственному выраженію, цѣлью развитіе всѣхъ способностей и органовъ: «рукъ точно такъ же, какъ головы и сердца». Безъ сомнѣнія, первый долгъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы формировать людей: «Посвятите себя развитію ребенка, не дрессируйте его, какъ дрес-

спруютъ собаку!» Но къ этому общему развитію слѣдуетъ рано присоединять и начало профессіональнаго образованія. Песталоцци горько жаловался, что для народа недоступно спеціальное образованіе, «за исключеніемъ того, которое учитъ искусству убивать людей». Онъ, слѣдовательно, хотѣлъ ввести въ школѣ, если не обученіе тому или другому опредѣленному ремеслу, то, по крайней, мѣрѣ извѣстную общую подготовку ко всѣмъ ремесламъ. Онъ мечталъ о составленіи «технической азбуки», содержащей послѣдовательныя упражненія въ элементарныхъ пріемахъ, напр., носить, бросать, тянуть, толкать, размахивать. Ребенокъ научился бы такимъ образомъ развивать свои физическія способности и пріобрѣлъ бы ту гибкость движеній и то искусство пользоваться своими членами, которыхъ требуетъ занятіе всякимъ ремесломъ.

Упражненія. опытность, навыкъ, вотъ, слѣдовательно, условія успѣшнаго воспитанія во всѣхъ его видахъ, условіяхъ какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія. Если вѣрно, что воспитатель можетъ передать своимъ ученикамъ, главнымъ образомъ, тѣ качества, которыми самъ обладаетъ, то нельзя сомнѣваться, что Песталоцци имѣлъ наибольшій успѣхъ въ нравственномъ воспитаніи. И здѣсь также основнымъ принципомъ служила наглядность. Никакихъ правилъ, никакихъ уроковъ по формѣ. Мнѣ неизвѣстно, предполагалъ ли когда-ни-

будь Песталоцци издать сборникъ теоретическихъ или практическихъ правоученій. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то приблизился бы къ доктринамъ Канта, что, можетъ быть, доказано, напримѣръ, слѣдующимъ прекраснымъ положеніемъ: «Совершенствуясь, я дѣлаю изъ того, что долженъ, правило для того, чего я хочу». Опираясь на искусно возбуждаемыя добрыя чувства ребенка, онъ старался основать естественное органическое развитіе практической нравственности: свободное воспитаніе личности.

Подобно тому, какъ его ученикъ будетъ говорить, не умѣя еще читать, какъ онъ будетъ пѣть «наглядно», потому что будетъ слышать, какъ поютъ, не зная ни одной ноты въ музыкѣ, точно также онъ будетъ добродѣтельнымъ безъ того, чтобы ему говорили о добродѣтели. Въ своемъ оптимизмѣ Песталоцци думалъ, что достаточно пробудить скрытыя силы совѣсти для того, чтобы вести человѣчество къ добру. Въ Станцѣ,—говоритъ онъ,—я не преподавалъ ни мораль, ни религію». Но, развивая въ своихъ 80 маленькихъ сиротахъ братскую привязанность и какъ бы духъ семьи, онъ думалъ, что ведетъ ихъ вѣрнымъ путемъ къ чувству справедливости и чести. Онъ замѣчаетъ: «Я старался пробудить понятіе о каждой добродѣтели прежде, чѣмъ произнести ея названіе». Другими словами, онъ хотѣлъ положить въ основу нравственности сердце, чув-

ствительность. Онъ дѣйствовалъ на своихъ учениковъ сердцемъ, а не сухимъ авторитетомъ отвлеченнаго преподаванія. Ни одинъ учитель не умѣлъ заставить полюбить себя въ такой мѣрѣ, какъ онъ. «Мы любили его,—заявляетъ одинъ изъ его учениковъ,—мы всѣ любили его, потому что знали, что онъ всѣхъ насъ любитъ». Развѣ не онъ сказалъ: «Воспитаніе должно быть безпрерывнымъ благоволеніемъ и добротой».

Онъ отыскивалъ всевозможные случаи, могущіе побудить дѣтей къ проявленію великодушныхъ инстинктовъ и пріучить ихъ побѣждать самихъ себя, свои дурныя наклонности. Часто приводятъ слѣдующій трогательный отрывокъ изъ письма къ Гесснеру, написаннаго имъ въ 1799 году во время короткаго пребыванія въ Гурнижолѣ: «Когда къ намъ въ Стансъ пришло извѣстіе о пожарѣ въ Альторфѣ, я собралъ своихъ маленькихъ сиротъ и сказалъ имъ: «Альторфъ сгорѣлъ, можетъ быть, въ эту минуту сотня бѣдныхъ дѣтей находится безъ крова, безъ хлѣба, безъ одежды. Хотите, я попрошу наше доброе правительство прислать къ намъ человѣкъ 20—30, которыхъ мы и пріютимъ въ этомъ домѣ?» Въ одинъ голосъ они отвѣтили: «Да, да!» — «Но дѣти,— прибавилъ я —нашъ домъ—бѣденъ: если вамъ дадутъ въ товарищи этихъ бѣдныхъ дѣтей, вамъ придется меньше ѣсть, больше работать, можетъ быть! Вамъ придется дѣлить съ ними

вашу одежду!» Поговоривъ съ ними такимъ образомъ со всей убѣдительностью, на которую былъ способенъ, я заставилъ ихъ повторить мои слова, чтобы убѣдиться хорошо ли они меня поняли, затѣмъ снова предложилъ тотъ же вопросъ, и они снова всѣ отвѣтили: «Да, да! Если даже намъ придется меньше ѣсть и больше работать, мы будемъ рады ихъ пріѣзду».

Въ возбужденіи подобныхъ великодушныхъ порывовъ Песталоцци ожидалъ наиболѣе дѣйствительнаго вліянія на школы; онъ, главнымъ образомъ, разсчитывалъ на семью, а въ самой семьѣ—на вліяніе матери. Чувства любви, благодарности берутъ свое начало, главнымъ образомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ матери и ребенка. Мать роняетъ сѣмя любви въ сердце своего дитяти. Песталоцци ставитъ мать выше всего, мать любящую и заботящуюся о своихъ обязанностяхъ. «Самое существенное заключается въ томъ, чтобы вашъ ребенокъ предпочиталъ васъ всему на свѣтѣ и чтобы вы со своей стороны ничего не предпочитали ему». Нѣтъ ничего трогательнѣе неоднократныхъ воззваній, съ которыми онъ обращается къ материнской любви въ своемъ 13-мъ письмѣ къ Геснеру. Сравнительно съ ними воззванія Руссо кажутся холодными. Напрасно ему говорили: «Вы не найдете такихъ матерей, какихъ ищете! Чтобы уклониться отъ своихъ обязанностей, онѣ будутъ отговариваться

необходимостью работать, домашними обязанностями. Онъ возражалъ съ воодушевленіемъ: «Я хочу достичь побѣды даже надъ матерями-язычницами въ самыхъ отдаленныхъ странахъ вселенной. Я вѣрю въ матерей моей родины, я вѣрю въ сердца, которыя Богъ вложилъ имъ въ грудь».

Мать пробуждаетъ въ ребенкѣ нравственное чувство, она же учитъ его и религіи. Религія Песталоцци была религіей искренней, полной сентиментальныхъ, почти мистическихъ и благочестивыхъ изліяній. Въ Нейгофѣ онъ упрекалъ себя, какъ въ преступленіи, когда забывалъ помолиться. Онъ вѣрилъ въ Бога сердцемъ: «Богъ моего разума—мечта; я не знаю другого Бога, кромѣ Бога моего сердца; и только благодаря моей вѣрѣ въ Бога моего сердца, я чувствую себя человѣкомъ. Мать, мать въ своемъ завѣтѣ, ты указала мнѣ Бога, и я нашелъ Его въ моемъ послушаніи... Мать, если я тебя люблю, то я люблю и Бога, и мой домъ—мое высшее благо». Такимъ образомъ мать является посредницей между ребенкомъ и Богомъ. Сыновняя любовь ведетъ къ любви къ Богу. Песталоцци не углублялся въ догматы христіанства, но онъ сохранилъ духъ ихъ. «Истинная религія,—говорилъ онъ,—есть не что иное, какъ нравственность». Снисходительный къ наивной набожности простыхъ людей («я не изъ тѣхъ, что осмѣиваютъ

четки и молитвенники»), самъ онъ довольствовался тѣмъ, что взывалъ къ безконечной добротѣ и любви, разсѣянным всюду. Онъ хотѣлъ, чтобы ребенка прежде всего знакомили съ добротою Божьей: «Научивъ его лепетать имя Бога, мать укажетъ ему всеобъемлющую любовь, проявляющуюся и въ восходящемъ надъ землею солнцѣ, и въ журчащемъ ручейкѣ, и въ сверкающихъ на листьяхъ капляхъ росы, и въ блестящихъ краскахъ цвѣтовъ». Методъ Песталоцци остается въ своемъ цѣломъ и во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ методомъ элементарнаго образованія, что, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ его значенія. Вѣдь воспитаніе именно маленькихъ дѣтей было его призваніемъ, составляло желанную и исключительную цѣль его жизни. У него не было иныхъ способностей, кромѣ этой. Самъ онъ прекрасно сознавалъ, что можетъ имѣть успѣхъ лишь въ области воспитанія дѣтей младшаго возраста. «Вступая на первую ступеньку въ замкѣ Бургдорфа, я почувствовалъ себя потеряннымъ, ибо начиналъ карьеру, которая могла составить лишь мое несчастіе, такъ какъ я не имѣлъ способностей, требуемыхъ для управленія гимназіей». Это прекрасно поняло большинство его критиковъ. Дестютъ де-Траси писалъ: «Методъ Песталоцци даетъ все, что обѣщаетъ, лишь тѣмъ, кто долженъ получить очень ограниченное образованіе». Таково было также мнѣніе м-мъ де-Сталь:

«На дѣло Песталоцци слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ограниченное дѣтскимъ возрастомъ».

Уже было упомянуто, что Песталоцци простиралъ иногда свои стремленія и дальше. Въ такихъ честолюбивыхъ планахъ подстрекали его, главнымъ образомъ, сотрудники. Дѣйствительно, онъ написалъ Мэнъ де-Бирану: «Напрасно думаютъ, что мой методъ относится лишь къ первымъ элементамъ знанія и воспитанія. И юношествомъ нужно руководить на основаніи тѣхъ же принциповъ и того же духа». Другими словами, онъ считалъ нѣкоторыя части своего метода элементарнаго образованія примѣнимыми для дальнѣйшаго курса ученія. Конечно, на всѣхъ ступеняхъ преподаванія желательно, чтобы учитель возбуждалъ умы, чтобы онъ спрашивалъ, заставлялъ дѣйствовать, пробуждалъ инпціативу и личное изслѣдованіе; педагогомъ всѣхъ разрядовъ есть чему поучиться въ школѣ Песталоцци. Тѣмъ не менѣе очевидно, что методъ наглядный, индуктивный, эмпирическій, какимъ былъ методъ Песталоцци, вполнѣ умѣстенъ лишь при начальномъ обученіи. Позднѣе для болѣе или менѣе сформировавшихся уже умовъ вступаетъ въ свои права дидактическій, дедуктивный методъ, методъ изложенія; а на этой почвѣ Песталоцци былъ совершенно неспособенъ достигнуть успѣха. Достаточно съ него и той великой славы, что онъ былъ однимъ изъ осно-

вателей народной школы. Въ этомъ заключается его могущество, его честь и въ то же время граница его силы, какъ педагога. Онъ трудился съ рѣдкимъ рвеніемъ въ продолженіи полустолѣтія въ дѣлѣ основанія элементарнаго образованія. Въ 1816 году онъ писалъ Николовіусу: «Если мнѣ не удастся подготовить, по крайней мѣрѣ, примѣненіе элементарнаго преподаванія въ школахъ для бѣдныхъ и упрочить возможность его существованія послѣ меня, то важное дѣло, которымъ я еще могу служить человѣчеству, окажется потерянымъ, моя работа—напрасной».

Нѣтъ, онъ не работалъ напрасно, и если ему не вполнѣ удалось окончить свое дѣло, то въ его сочиненіяхъ всегда будутъ искать вдохновенія, въ его дѣйствіяхъ—примѣровъ для руководства первыми шагами ребенка въ томъ возрастѣ, когда, какъ говорила м-мъ де-Сталь, кажется, «что Творецъ держитъ еще свое твореніе за руку, помогая ему тихонько идти по облакамъ жизни», но когда все же необходимо вмѣшательство руки человѣка, кроткой, но твердой руки, которая руководила бы, не принуждая, устраняла бы препятствіе, облегчала бы усилія, освобождала бы путь къ знанію отъ всѣхъ трудностей, о которыя могутъ споткнуться дѣтскія ножки, еще колеблющіяся и неувѣренныя.

Вліяніе Песталоцци было значительно. Когда 20 лѣтъ послѣ его смерти, 12-го января 1846 г. въ 59-ти городахъ Швейцаріи и Германіи праздновалась годовщина дня его рожденія, по большому стеченію и интересу собравшихся, по ихъ энтузіазму можно было видѣть, какое прочное и глубокое впечатлѣніе произвелъ онъ на умы, до какой степени его идеи распространились и принесли плоды во всей центральной Европѣ. Онъ не ошибся, сказавъ въ предисловіи къ «Руководству для матерей»: «Формы моего метода погибнутъ, но живительный духъ, духъ моего метода переживетъ». Главный организаторъ церемоніи въ память усопшаго, знаменитый директоръ нормальной школы въ Берлинѣ, Дистервегъ, высоко почтилъ его въ рѣчи, въ которой, сравнивая школы середины XIX вѣка со школами прежнихъ временъ, прославлялъ Песталоцци за проведенныя имъ реформы. «Его твореніе,—говорилъ онъ,—сдѣлалось основаніемъ общественныхъ школъ Германіи»; онъ привелъ длинный перечень нѣмецкихъ воспитателей, появившихся болѣе или менѣе благодаря ему. Чтобы и на дѣлѣ почтить память великаго педагога, онъ, кромѣ того, предложилъ учредить сиротскій домъ, носящій названіе: «Институтъ Песталоцци».

Но еще при жизни Песталоцци присутствовалъ при побѣдоносномъ распространеніи своего ученія. О немъ говорили, что онъ лучше умѣетъ

развивать идеи, чѣмъ людей. Что же означаетъ, однако, этотъ легіонъ учениковъ, призваніе которыхъ опредѣлилось благодаря ему, которыхъ онъ воспламенилъ своимъ энтузіазмомъ и которые пошли во всѣ страны распространять его идеи? Иногда было достаточно простого свиданія, разговора въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, для того, чтобы покорить равнодушнаго посѣтителя, чтобы сдѣлать изъ проѣзжаго новаго проповѣдника его ученія. Таковымъ оказался, напримѣръ, молодой нѣмецкій баронъ Ренненкампъ, бывшій въ 1808 году на нѣсколько дней гостемъ въ Ивердонѣ, принятый нѣсколько времени спустя въ салонѣ м-мъ де-Сталь въ Копенгагенѣ и съ жаромъ прославлявшій Песталоцци и его методъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, одна изъ его слушательницъ, м-мъ Рекамье, молча занималась тѣмъ, что поправляла локонъ своихъ прекрасныхъ волосъ. Но Веньяминъ Констанъ, также присутствовавшій на вечерѣ и, безъ сомнѣнія, любовавшійся м-мъ де-Рекамье, слушалъ въ то же самое время и пространно разспрашивалъ о самыхъ мелкихъ подробностяхъ, касающихся реформатора. Вниманіе м-мъ де-Сталь также было возбуждено, она слушала съ явнымъ любопытствомъ, которое она и удовлетворила нѣсколько мѣсяцевъ спустя при посѣщеніи Ивердона. Она апплодировала молодому толкователю метода въ то время, какъ тотъ объяснялъ, что ивердонскій педагогъ смот-

ритъ на пріобрѣтеніе извѣстной суммы знаній не какъ на конечный предѣлъ обученія, но видитъ въ нихъ лишь простое средство, считая истинной цѣлью развитіе ума. Ея свиданію съ Песталоцци предшествовало обращеніе къ нему съ самыми лестными комплиментами. Она ему писала между прочимъ: «Я убѣждена, что вашъ методъ можетъ сдѣлать счастливымъ большинство людей и въ особенности самыхъ несчастныхъ и самыхъ обездоленныхъ изъ нихъ».

Вліяніе Песталоцци распространилось, главнымъ образомъ, въ Германіи. Саксонія и Вюртембергское королевство обязаны ему своими школьными успѣхами. Мы уже отмѣтили, какія узы соединяютъ его съ Гербартомъ, а также съ Фихте. Философъ-субъективистъ не могъ не чувствовать себя прельщеннымъ педагогіей, которая стремилась прежде всего создать человѣческую личность. Когда послѣ пораженія при Іенѣ Пруссія предприняла у себя реформу школъ, онъ въ своихъ рѣчахъ привѣтствовалъ въ Песталоцци геніальнаго человѣка, освободившаго искусство воспитанія отъ рутины и шарлатанства и давшаго ему въ основу философскіе законы. Въ одномъ интимномъ письмѣ къ своей женѣ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ рекомендуетъ ей прочесть «Письма къ Гесснеру»: «Я вижу въ этой системѣ воспитанія истинное лекарство отъ страданій больного человѣчества», и далѣе: «это единствен-

ное средство сдѣлать его способнымъ понять мою философію». Фребеля также можно причислить къ поклонникамъ Песталоцци. Онъ отправился въ Ивердонъ въ первый разъ въ 1805 году. Возвратившись туда въ 1808 году онъ пробылъ у Песталоцци два года вмѣстѣ съ тремя учениками, которыхъ сопровождалъ на всѣ уроки. «Это было въ моей жизни рѣшающей эпохой», писалъ онъ. Будущій основатель дѣтскаго сада и школы матерей долженъ былъ чувствовать симпатію къ основателю элементарной школы, представляющей изъ себя продолженіе его собственныхъ учрежденій.

Но не одни педагогическія теоріи и планы явились слѣдствіемъ толчка, даннаго Песталоцци; слѣдствіемъ его были также реальныя учрежденія, множество школъ, устроенныхъ по образцу тѣхъ, въ которыхъ онъ преподавалъ, и особенно той, о которой мечталъ. Потребовался бы цѣлый томъ, чтобы перечислить всѣ учрежденія, основанныя по его мысли: въ Берлинѣ школа Пламанна, бывшаго въ продолженіи нѣкотораго времени его ученикомъ,—эта школа, открытая въ 1805 г., существовала до 1830 г.—во Франкфуртѣ, сдѣлавшемся центромъ песталоццизма, школа Грюнера, гдѣ преподавалъ Фребель; въ Майнцѣ школа, основанная около 1804 г. Ф. І. Мюллеромъ. За предѣлами Германіи не имѣютъ понятія, до какой степени Песталоцци расшевелилъ вооб-

раженіе въ этой странѣ и пріобрѣлъ власть надъ умами. Въ 1808 г. одинъ изъ вюртембергскихъ министровъ писалъ: «Нашъ король сдѣлался послѣдователемъ Песталоцци съ головы до ногъ». Когда въ 1809 г. старый другъ Песталоцци, Николовіусъ, былъ назначенъ директоромъ общественнаго просвѣщенія въ Прусскомъ королевствѣ, онъ попросилъ содѣйствія у своего бывшаго наставника и друга: «Приди къ намъ на помощь,—писалъ онъ,—то, о чемъ я мечталъ вмѣстѣ съ тобою въ Нейгофѣ, дѣлается дѣйствительностью. Сѣмя, которое ты бросишь здѣсь, пуститъ ростки и превратится въ дерево, тѣнь котораго дастъ защиту цѣлому народу». Когда Песталоцци узналъ, что прусское правительство готовится къ реорганизаціи школъ согласно его принципамъ, для него настало время большихъ надеждъ. Съ дѣтской радостью онъ отвѣтилъ: «Итакъ, я не умру, не дождавшись, чтобы посѣянная мною жатва начала созрѣвать. Я всегда жилъ въ ожиданіи короля, одареннаго силой, необходимой для того, чтобы составить благо людей. Ты его нашелъ, этого короля, онъ существуетъ!»

Естественно, что германскія страны особенно сильно поднали подъ вліяніе Песталоцци, но въ Европѣ, ни на сѣверѣ, ни на югѣ ея, нѣтъ вообще ни одной страны, которая осталась бы чуждой этому движенію. Здѣсь можно отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ. Испанія, о кото-

рой, безъ сомнѣнія, можно сказать, что она является пока одною изъ европейскихъ странъ, наименѣе подвинувшихся въ дѣлѣ образованія, одна изъ первыхъ попробовала ввести у себя песталоццизмъ. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи: сначала въ школѣ Таррагонскаго полка, которымъ командовалъ Вуатель, швейцарецъ, состоящій на службѣ въ Испаніи, затѣмъ въ нормальной школѣ въ Сантандерѣ, учрежденной для подготовки педагоговъ послѣдователей новаго метода, наконецъ, въ самомъ Мадридѣ въ спеціальной школѣ, названной «Real Institutio Pestalozziano militar». Чтобы найти оправданіе послѣднему слову, нужно вспомнить, что въ Бургдорфѣ и Ивердонѣ Песталоцци заставлялъ своихъ учениковъ дѣлать нѣкоторыя военныя упражненія. Мадридская школа находилась сначала подъ управленіемъ капитана Вуателя, затѣмъ Аморoза, сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ во Франціи въ качествѣ пропагандиста преподаванія гимнастики. Песталоцци вошелъ въ моду на нѣкоторое время. Инфантъ донъ Франсуа де-Поль былъ воспитанъ по его методу, и школа бѣдняковъ стала такимъ образомъ школою принцевъ. Именно это соотвѣтствовало стремленію Песталоцци, требующаго, чтобы образованіе было одинаковымъ для всѣхъ. Но политическія событія внезапно пріостановили развитіе начатаго дѣла: въ 1808 г. Мад-

ридская школа была закрыта, и Испанія забыла о Песталоцци.

Можно утверждать, что Коменскій былъ предшественникомъ Песталоцци, распространившаго его идеи по всей Европѣ. Моравскій педагогъ XVII в. во многомъ походитъ на швейцарскаго педагога XVIII вѣка. Правда онъ его опередилъ своимъ тонкимъ педагогическимъ чутьемъ. Подобно своему швейцарскому собрату, даже болѣе его, онъ велъ скитальческую безпокойную жизнь. Этотъ первый апостолъ современнаго воспитанія отправился проповѣдывать свое ученіе въ Англію и Швецію. Песталоцци не совершалъ такихъ отдаленныхъ путешествій, но его ученіе распространилось въ этихъ странахъ благодаря лицамъ, пріѣзжающимъ изучить его на мѣстѣ и воспринять его доктрины изъ его собственныхъ устъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, датское правительство послало въ Бургдорфъ въ 1803 г. нѣсколькихъ преподавателей, которые открыли. по возвращеніи на родину, въ Копенгагенѣ школу по системѣ Песталоцци. Созданные Наполеономъ короли выказали къ первоначальному образованію меньше пренебреженія, чѣмъ онъ-самъ: неаполитанскій король Мюратъ въ 1812 году и голландскій король Луи Бонапартъ въ 1807 г. попробовали ввести въ школахъ этихъ двухъ королевствъ методы Песталоцци. Эти подражательныя попытки не всегда сопровождались успѣ-

хомъ. Неопытные послѣдователи устанвали лишь внѣшнія формы метода, простой механизмъ, не будучи часто въ состояніи заимствовать у учителя тотъ духъ, который оживлялъ систему и дѣлалъ ее столь плодотворной.

Въ Англіи попытка часто возобновлялась и потому система Песталоцци удержалась тамъ дольше. У Песталоцци перебывало въ Ивердонѣ множество англичанъ, между прочими и Робертъ Оуэнъ (R. Owen), извѣстный филантропъ, и Генри Брогэмъ (H. Brougham), поборникъ въ дѣлѣ народнаго образованія, тотъ самый, который говорилъ съ нѣкоторою напыщенностью: «Наступитъ время, когда міровымъ властителемъ будетъ воспитатель, а не пушка». Но особенно близко сошелся Песталоцци съ однимъ молодымъ мыслителемъ, довольно, впрочемъ, неизвѣстнымъ, Джемсомъ Гревсомъ. Гревсъ жилъ въ Ивердонѣ съ 1817 г. до 1822 г. и въ теченіе этихъ 4—5 лѣтъ сблизился съ Песталоцци. Онъ служилъ ему переводчикомъ въ сношеніяхъ съ пріѣзжими англичанами. Ему было поручено преподавать англійскій языкъ въ нормальной школѣ въ Клэнди. Песталоцци цѣнилъ его до такой степени, что выразился о немъ: «Это былъ человѣкъ, вполнѣ понявшій преслѣдуемую имъ цѣль». Въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи Гревсъ не ограничивался тѣмъ, что былъ страстнымъ сторонникомъ идей и проектовъ Песталоцци, онъ заботился и о его личности. Разсказываютъ, что

онъ чрезвычайно страдалъ отъ манеры своего учителя небрежно одѣваться. Извѣстно, что послѣдній думалъ о своемъ туалетѣ только въ торжественныхъ случаяхъ и когда дѣлалъ визитъ монархамъ. Гревса огорчало неблагопріятное впечатлѣніе, производимое на постороннихъ поношеннымъ и разорваннымъ платьемъ Песталоцци, «его старымъ, сѣрымъ пальто». И вотъ, что онъ сдѣлалъ: онъ тайкомъ заказалъ портному новое платье и положилъ его на мѣсто стараго. Песталоцци, по всей вѣроятности, по разсѣянности даже и не замѣтилъ происшедшей за ночь перемѣны. Гревсу онъ отвѣчалъ привязанностью и написалъ въ 1818 — 1819 г. для него: «Письма объ элементарномъ воспитаніи», которыя Гревсъ перевелъ на англійскій языкъ и издалъ въ 1827 году. Эти письма составляютъ, можетъ быть, лучшее изложеніе ученія Песталоцци. Въ нихъ онъ повторяетъ свое краснорѣчивое воззваніе къ матерямъ, на этотъ разъ къ матерямъ Великобританіи. Онъ настаиваетъ на истинѣ, что ученикъ не долженъ быть пассивнымъ орудіемъ, что его образованіе можетъ быть прочнымъ только, если онъ самъ будетъ участвовать въ немъ, какъ «дѣятель». По возвращеніи въ Англію, Гревсъ основалъ близъ Ричмонда Гамскую школу, гдѣ старался примѣнить пвердонскій методъ. Въ Ирландіи его предупредилъ другой большой поклонникъ Песталоцци, — Сайнджъ (Synge). Проведя нѣ-

сколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи, послѣдній издалъ въ Дублинѣ въ періодъ времени 1815—1817 гг. нѣсколько анонимныхъ сочиненій, содержащихъ біографію Песталоцци и разборъ его произведеній. За нимъ слѣдовалъ Преподобный Майо (Мауо). который привезъ въ 1819 г. въ Ивердонъ 15 человѣкъ своихъ соотечественниковъ и возвратившись въ Англію, посвятилъ свою дѣятельность распространенію методовъ Песталоцци. Съ помощью Рейнера, одного изъ ивердонскихъ учениковъ, и своей сестры миссъ Майо, онъ основалъ гимназію. Онъ также является авторомъ нѣсколькихъ книгъ: «Уроки о предметахъ», «Уроки о числѣ», «Уроки о формѣ», проникнутыхъ песталоцицизмомъ. Движеніе это породило въ 1836 г. школьное общество подъ названіемъ «Home and colonial School Society , принесшее дѣйствительную пользу народному образованію въ Англіи. Существеннымъ доказательствомъ его значенія служитъ то обстоятельство, что одинъ изъ членовъ общества, Рейнеръ, былъ выбранъ королевой Викторіей въ преподаватели къ ея дѣтямъ. Что Песталоцци и до нашихъ дней сохранилъ нѣкоторое вліяніе въ Англіи, доказывается тѣмъ, что онъ единственный иностранный педагогъ, о которомъ Герберъ Спенсеръ упомянулъ въ своей книгѣ о «Воспитаніи»; а также и тѣмъ, что профессоръ Нэйнъ посвятилъ ему въ 1875 г. свое прекрасное сочиненіе: «Вліяніе принциповъ и

практики Песталоцци на элементарное образованіе», являющееся одной изъ наиболѣе убѣдительныхъ статей изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ объ этомъ предметѣ.

Совершенно невозможно прослѣдить вліяніе Песталоцци всюду, куда оно проникло. Его имя, его мысли, дѣйствительно, обошли весь міръ. Одинъ изъ его помощниковъ, пользовавшійся покровительствомъ императора Александра I, основалъ въ С.-Петербургѣ около 1815 г. педагогическую семинарію для высшихъ классовъ русскаго общества *). Дѣло реформатора финляндскихъ школъ, Уно Сигнеса отчасти является слѣдствіемъ его вдохновенія. Въ Новомъ свѣтѣ, какъ и въ Старомъ, у него были и есть еще вѣрные поклонники.

Соединенные Штаты заимствовали реформу Песталоцци изъ Парижа. Бургдорфскій учитель Нэфъ занималъ съ 1803 года мѣсто преподавателя въ одномъ спротскомъ домѣ въ Парижѣ. Его классъ удостоился чести оффиціальнаго визита Наполеона, котораго сопровождалъ Таллейранъ. Одинъ американскій гражданинъ, Макъ-Люръ, присутствовалъ при этомъ посѣщеніи. Пораженный полученными результатами, онъ убѣдилъ Нэфа покинуть Францію и отправиться въ Филадельфію, а затѣмъ въ Ньюгармони, чтобы организовать тамъ обученіе по системѣ Песталоцци. Впослѣдствіи сынъ Крузи, перваго по-

мощника Песталоцци въ Бургдорфѣ, эмигрировалъ въ Америку, гдѣ и сдѣлался профессоромъ педагогическихъ наукъ въ нормальной школѣ города Освего, основатель котораго Шельдонъ (Sheldon) ввелъ и съ успѣхомъ примѣнилъ наглядный способъ преподаванія. Школа въ Освего, основанная въ 1860 г. въ штатѣ Нью-Іоркъ, имѣла, быть можетъ, наибольшее вліяніе на профессіональное образованіе американскихъ учителей. «Этимъ она было обязана, какъ говоритъ «Монографія» выставки 1900 года, тому обстоятельству, что ея принципалъ Шельдонъ ввелъ практическое примѣненіе метода и идей Песталоцци». За нѣсколько лѣтъ до того другой американецъ, Ловель Мэсонъ, заимствовалъ у Песталоцци его методъ преподаванія пѣнія въ въ томъ видѣ, въ какомъ его ввели въ Иверденѣ два преподавателя, Нефферъ и Негели. Своимъ согражданамъ онъ изложилъ ученіе Песталоцци въ рефератѣ, нѣсколько разъ повторенномъ въ присутствіи многочисленныхъ слушателей. Съ 1835 г. въ Огейо началъ издаваться школьный журналъ подъ названіемъ: «The Pestalozzian». Это американцы назвали Горація Манна знаменитымъ апостоломъ Песталоцци. Генри Барнаръ старался показать въ своихъ сочиненіяхъ, съ какимъ уваженіемъ онъ относится къ опыту въ Станцѣ и въ Бургдорфѣ. И еще въ этомъ году въ одномъ американскомъ журналѣ появился такой отзывъ: «Опытъ въ Станцѣ былъ таковъ,

что долженъ былъ произвести революцію во взглядахъ людей на воспитаніе. О нынѣшней системѣ воспитанія можно съ увѣренностью сказать, что въ общемъ, она является системой Песталоцци. Можно было бы написать цѣлую интересную главу относительно взгляда французовъ на Песталоцци. Мы уже указали на стремленія Мэнъ-де-Бирана, который цѣнилъ методъ Песталоцци особенно за то, что тотъ желалъ «развить у всѣхъ одинаково способность мышленія, необходимую при всякихъ условіяхъ, примѣнимую ко всѣмъ положеніямъ, ко всѣмъ потребностямъ человѣческой жизни». Школа въ Бержеракѣ, основанная въ 1808 г. при содѣйствіи Барро, продержалась до 1881 г., мѣняя лишь внѣшнія формы. Точно такъ же, какъ школа въ Бургдорфѣ, она быстро преобразовалась въ гражданскую гимназію. Мэнъ-де-Биранъ, состоявшій съ Песталоцци въ непосредственной перепискѣ, отправился въ 1822 г. въ Ивердонъ, посѣтилъ знаменитаго педагога; онъ нашелъ, что послѣдній опустился и подпалъ подъ вліяніе Шмидта, о которомъ французскій философъ отзывается неблагопріятно. Ему показалось, что Шмидтъ—хитрецъ. Эта загадочная личность, которую Песталоцци въ простотѣ души превозносилъ до небесъ, тогда какъ Фелленбергъ называлъ сатаною, и о которой Гунцикеръ выразился «Шмидтъ просто хвастунъ», нашла себѣ послѣ закрытія ивердон-

скаго заведенія пріютъ во Франціи. Около 1840 года Шмидтъ вступилъ съ пятью другими преподавателями Ивердона въ учебное заведеніе Морэна въ Парижѣ и давалъ тамъ уроки математики до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1851 г. Это онъ снабдилъ Филибера Помпэ. перваго директора школы Тюрго, необходимыми документами для составленія диссертаціи, представленной имъ въ 1847 г. на конкурсъ, открытый академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ на тему: «Критическій разборъ системы преподаванія и воспитанія Песталоцци, разсматриваемой, главнымъ образомъ, въ ея отношеніи къ благоденствію и нравственности бѣдныхъ классовъ». Сколько другихъ фактовъ можно было бы привести въ доказательство того, съ какимъ вниманіемъ Франція отнеслась къ трудамъ Песталоцци! Вспомнимъ статьи, написанныя о Песталоцци въ 1813 г. Гизо по поводу комментаріевъ Кюльена въ «Annales de l'Education», отчетъ изданный въ 1815 г. Кювье послѣ посѣщенія послѣднимъ Ивердона, куда его послалъ министръ Карно, учрежденіе въ Парижѣ въ 1822 г. школы по системѣ Песталоцци профессоромъ Бонифасомъ, преподававшимъ французскій языкъ въ Ивердонѣ съ 1803 до 1817 г. Грамматическія упражненія послѣдняго долгое время считались классическими. Слѣдуетъ еще упомянуть, что «Общество для элементарнаго образованія» запи-

сало Песталоцци въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ, и что одинъ изъ его друзей, префектъ Лезей-Марнезіа, основалъ въ Страсбургѣ въ въ 1810 году первую нормальную французскую школу. Великій французскій историкъ Мишлэ выразилъ въ 1870 г. очень краснорѣчиво свое благоговѣніе къ Песталоцци, говоря, что «онъ былъ огонь, жизнь», что «онъ импровизировалъ людей», что «онъ былъ настоящимъ святымъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ другой французъ Гильомъ, написалъ лучшій біографическій очеркъ Песталоцци, лучшій даже въ сравненіи съ этюдомъ Морфа. И до Гильома многіе во Франціи пѣли хвалебную пѣснь Песталоцци; таковы были Августинъ Кошэнъ, Филибертъ Помпэ и, наконецъ, Ранэ, раздѣлившій съ Помпэ премію академіи за сочиненіе, оставшееся рукописнымъ. Послѣднему педагогическій музей въ Парижѣ обязанъ коллекціей книгъ, имѣющихъ отношеніе къ Песталоцци, которая можетъ съ успѣхомъ соперничать съ колекціей Песталоцціума, въ Цюрихѣ. Время нисколько не изгнало Песталоцци изъ памяти людей: въ 1871 г. Цешвицъ выразился о немъ какъ, «о надеждѣ германскаго народа въ трудные дни». Въ 1873 г. Визингеръ указывалъ на его долю участія въ дѣлѣ обновленія германскаго народа. Наконецъ, въ 1885 г. Виннеръ издалъ руководство популярной педагогіи согласно принципамъ Песталоцци.

Цѣлый рядъ сочиненій доказываетъ, какое значеніе педагоги теоретики придавали дѣятельности скромнаго народнаго преподавателя. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ поочередно сравнивается съ наиболѣе знаменитыми изъ современныхъ педагоговъ. Отецъ Кинаръ говорилъ: «Когда-нибудь исторія проведетъ параллель между двумя швейцарскими педагогами—Руссо и Песталоцци». Исторія, конечно, не замедлила сдѣлать это. Сколько разъ въ брошюрахъ и большихъ сочиненіяхъ сравнивали Песталоцци съ авторомъ «Эмиля». Вообще не существуетъ ни одного знаменитаго педагога, съ которымъ его не сравнивали бы. Вотъ для примѣра небольшая книга, озаглавленная: «Коменскій и Песталоцци, какъ основатели народной школы»; другая,—въ которой сравниваются принципы Песталоцци и Фребеля;,третья,—обсуждающая сходство между Песталоцци и Дистервегомъ; въ нѣкоторыхъ изслѣдуется соотношеніе метода Песталоцци и методовъ Франке, Фелленберга и Гербарта [7]).

Но не одно изученіе общихъ теорій Песталоцци продолжало занимать друзей воспитанія. Педагоги-практики не переставали обращаться къ нему за указаніями относительно различныхъ отдѣловъ первоначальнаго преподаванія. Назовемъ для примѣра: «Упражненія и работы для дѣтей по методу и пріемамъ Песталоцци и Фребеля», изданныя въ 1873 году г. и г-ой Де-

лонъ; многія руководства по элементарной ариѳметикѣ; сочиненьице Руппepта «О примѣненіи метода Песталоцци къ преподаванію математики», появившееся въ Лангензальцѣ въ 1879 г.; трактатъ англичанина Тета (Tate), выдержавшій съ 1850 г. нѣсколько изданій подъ заглавіемъ: «Первыя правила ариѳметики согласно принципамъ Песталоцци», и еще «Первый годъ песталоцціевской ариѳметики, изданный американцемъ Гузомъ (Hoose) въ 1882 г. Укажемъ, наконецъ, съ болѣе общей точки зрѣнія на: «Педагогическія тетради согласно принципамъ Песталоцци», изданныя въ 1770 году швейцарскимъ педагогомъ Пароцомъ. Приведенное нами перечисленіе не полно. Если вѣрно то, что говорилъ Гербертъ Спенсеръ: «Идею Песталоцци надо еще осуществить», то въ этомъ нельзя винить безчисленныхъ комментаторовъ, пробовавшихъ развить ее. Мы не знаемъ мыслителя, который оставилъ бы въ сознаніи человѣчества такой глубокій слѣдъ, какъ онъ. Но какъ бы ни были интересны сочиненія, вызванныя памятью о немъ, тотъ, кто, дѣйствительно, хочетъ узнать его, долженъ обратиться къ нему самому; причины нашего поклоненія ему, его демократическому уму, его простонародной душѣ, слѣдуетъ искать въ его собственныхъ сочиненіяхъ, въ его поступкахъ, въ добродѣтели его характера.

Въ многочисленныхъ произведеніяхъ Песталоцци, конечно. не слѣдуетъ искать ни образцовъ изящной литературы, ни научныхъ изслѣдованій, ни даже послѣдовательнаго и сжатаго разсужденія. Его мысль—смутная, не связная, туманная, его слогъ—часто странный. Неспособный управлять людьми, онъ былъ не болѣе способенъ управлять своими мыслями, повелѣвать бурной волнѣ своихъ фантазій. Живыя, но безпорядочныя мысли проносились вихремъ въ его мозгу. Напримѣръ, ничто не можетъ быть болѣе безсвязнымъ, чѣмъ его сочиненіе «Письма къ Гесснеру», которое тѣмъ не менѣе является лучшей изъ его книгъ. Сентиментальныя изліянія переполненнаго сердца, обращенія, воззванія, выдержанныя въ высокопарномъ тонѣ пророка, безпрестанно прерываютъ колеблющуюся нить его разсужденій. Чувствуется, что авторъ утомляется и что ему трудно слѣдить за теоретическимъ споромъ, въ который онъ пустился. Каждую минуту его воображеніе удаляется отъ предмета рѣчи и разбѣгается во всѣ стороны. Каждую минуту онъ вынужденъ отрывать себя отъ отступленій, въ которыхъ затерялся: «Я принимаюсь снова за изложеніе... я возвращаюсь къ своей темѣ». Сравненія, образы изобилуютъ и подавляютъ мысль причудливостью своихъ запутанныхъ фантазій. Такъ, напримѣръ, онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сравниваетъ самого себя поочередно съ «морякомъ, потерявшимъ

багоръ и старающимся поймать кита на удочку». въ томъ случаѣ, когда хочетъ изобразить несоотвѣтствіе между своею цѣлью и располагаемыми имъ средствами; съ соломенкой, за которую не могла бы уцѣпиться кошка,—чтобы показать, какъ мало онъ значитъ; съ совой, чтобы обрисовать свое уединеніе; съ тростникомъ, чтобы изобразить свою слабость; съ мышью, боящейся кошки, чтобы охарактеризовать свою робость. Но среди всѣхъ этихъ пустяковъ и этого хаоса словъ сверкаютъ иногда блестки искренняго и истиннаго краснорѣчія.

Если Песталоцци не можетъ удовлетворить насъ въ отвлеченномъ изложеніи общихъ идей, зато его произведенія, въ которыхъ преобладаетъ воображеніе, сторицею вознаграждаютъ насъ. Въ нихъ онъ является искуснымъ разсказчикомъ и тонкимъ правописателемъ. Своимъ произведеніемъ «Леонардъ и Гертруда» онъ создалъ народный романъ; онъ создалъ жанръ, который не нашелъ достаточно подражателей и духомъ котораго онъ самъ не сумѣлъ вдохновиться въ своемъ другомъ произведеніи—«Христофоръ и Эльза», представляющемъ изъ себя лишь скучный и слишкомъ дидактическій комментарій перваго. Но въ первомъ его романѣ для народа въ невинныхъ и простыхъ картинахъ, въ которыхъ онъ изобразилъ деревенскую жизнь, встрѣчаются поистинѣ изящныя страницы. Насъ не

удивитъ, когда мы узнаемъ, что м-мъ де-Сталь проливала слезы надъ нѣкоторыми мѣстами, напримѣръ читая трогательную сцену, въ которой старая умирающая бабушка заставляетъ внука возвратить нѣсколько картофелинъ, украденныхъ имъ. Что еще заставляетъ насъ отзываться одобрительно объ этой прекрасной, но, къ сожалѣнію, забытой книгѣ, такъ это обрисовка и анализъ характеровъ. Въ нихъ Песталоцци обнаружилъ большую тонкость, много проницательности и наблюдательности. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе тонко изученное и описанное, чѣмъ нравственные облики 7-ми дѣтей Гертруды, совершенной матери, сыновья и дочери которой обладаютъ недостатками, свойственными возрасту каждаго изъ нихъ. Самая фабула романа, хотя и несложна, но изобилующая забавными разсказами, комическими эпизодами и умилительными сценами, не лишена интереса. Мы находимъ въ ней вѣчную борьбу со зломъ добра, олицетвореннаго въ честныхъ работникахъ, искренно радующихся при извѣстіи о нѣсколькихъ дняхъ неожиданной работы, въ простомъ и добромъ пасторѣ, въ великодушномъ и благодѣтельномъ баринѣ, тогда какъ зло воплощено въ лицѣ вѣроломнаго уѣзднаго судьи, содержащаго въ то же время кабакъ и не отличающагося совѣстливостью. «Я придерживаюсь того мнѣнія,—говорилъ Песталоцци,—и, можетъ быть, онъ нашелъ бы слу-

чай повторить свои слова, если бы жилъ въ наши дни,—что уѣздный судья и меръ не должны быть кабатчиками по профессіи». Направленный, главнымъ образомъ, противъ кабака и пьянства, романъ «Леонардъ и Гертруда» имѣетъ высокое нравственное значеніе, и цѣнность его нисколько не понизилась со временемъ. Послѣднія три части, хотя и не представляютъ такой драматической прелести, какъ первая, но все же не заслуживаютъ забвенія. Разсказывая исторію возрожденія одной деревни, онѣ представляютъ какъ бы картину всѣхъ экономическихъ и нравственныхъ реформъ, преобразившихъ въ теченіе одного вѣка положеніе сельскаго населенія Швейцаріи.

Безъ сомнѣнія, въ большинствѣ произведеній Песталоцци преобладаютъ чувствительность и воображеніе. Но и остроумная живость не отсутствуетъ въ нихъ. Одинъ бернскій преподаватель сказалъ, указывая на острый носъ и тонкія губы на портретѣ Песталоцци: «Смотрите! Песталоцци былъ насмѣшникомъ». Неожиданная оцѣнка, имѣющая между тѣмъ долю правды. Сократъ вѣрующій и энтузіастъ, не есть ли онъ отецъ іроніи? Также и Песталоцци, хотя и сентиментальный, не лишенъ по временамъ тонкаго лукавства и язвительной насмѣшки. Возьмемъ «Руководство для матерей», эту элементарную и дѣтскую книгу. Изъ нея можно извлечь массу пикантныхъ

замѣчаній, которыя оказались бы не неумѣстными въ произведеніи моралиста: «Адвокаты много говорятъ, особенно когда они защищаютъ неправое дѣло!.. «Многія женщины, которыя въ молодости думали лишь о томъ, чтобы смотрѣться въ зеркало, выйдя замужъ, больше любятъ смотрѣть въ свой денежный сундукъ». «Мужчины и женщины тѣмъ больше говорятъ, чѣмъ меньше думаютъ...» Сатирическое вдохновеніе Песталоцци выступаетъ особенно ярко въ его «Баснях», въ которыхъ онъ выводитъ на сцену помѣщиковъ и крестьянъ такъ же, какъ и животныхъ и растенія.

Не будемъ считать его книжнымъ ученымъ, педантомъ съ узкимъ, ограниченнымъ умомъ, замкнувшимся въ вопросахъ о методахъ и педагогическихъ пріемахъ. Его мысль часто поднималась надъ школой и классной комнатой. Далеко не всѣ размышленія, заключающіяся въ его философской книгѣ «Изслѣдованія хода природы» заслуживаютъ пренебреженія, въ этой книгѣ, надъ которой онъ трудился болѣе, чѣмъ надъ всѣми другими сочиненіями, онъ работалъ надъ нею, какъ ужъ было сказано, въ продолженіи трехъ лѣтъ, — и неуспѣхъ которой сильно его огорчилъ. Въ этомъ произведеніи онъ различаетъ въ человѣческой личности три элемента: человѣкъ-животное, человѣкъ, какъ членъ общества, и, наконецъ, человѣкъ въ нравственномъ отно-

шеніи. Въ немъ онъ горячо высказываетъ свое мнѣніе о правѣ собственности. Происхожденіе собственности, говоритъ онъ, законная она или нѣтъ, не должно насъ занимать. Собственность священна, потому что она существуетъ. Мы должны ее уважать, потому что мы соединены въ общество. Но, съ другой стороны, Песталоцци жалуется, что обладатели собственности не исполняютъ своихъ обязанностей. Въ своемъ эгоизмѣ они забываютъ о несчастныхъ, о бѣдныхъ, которые, имѣя точно такое же естественное право на собственность, совершенно лишены ея; они забываютъ о другихъ людяхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ заставляютъ нести военную службу или платить налоги.

Мудрость и здравый смыслъ чаще всего руководятъ мыслью Песталоцци. Однако, онъ иногда впадаетъ въ тонъ утописта. Напримѣръ, онъ начинаетъ проклинать книгопечатаніе, какъ причину всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ общество. Оно будто бы отвлекаетъ глаза человѣка, глаза, которые служатъ главнымъ орудіемъ знанія, отъ плодотворнаго и поучительнаго зрѣлища дѣйствительной вселенной, приковывая ихъ къ мертвымъ буквамъ болтливыхъ и безплодныхъ книгъ. Онъ нападаетъ также на реформацію, потому что она предоставила невѣжеству и глупости право голоса въ богослов-

скихъ вопросахъ, которыхъ человѣческій умъ никогда не разрѣшитъ.

У Песталоцци не было недостатка въ прозорливости. Какъ ни были горячи его симпатіи къ французской революціи, онъ сознавалъ ея ошибки, осуждалъ ея крайности и предвидѣлъ ихъ послѣдствія. Онъ говорилъ: «Или она будетъ уважать права и свободу всѣхъ гражданъ, или случится, что противящемуся меньшинству, болѣе хитрому и богатому, скоро снова удастся посадить на цѣпь неосторожное и безпорядочное большинство, въ которомъ прежніе властители видятъ пока лишь толпу вырвавшихся рабовъ». Руссо предсказалъ за 30 лѣтъ революцію, Песталоцци съ 1793 г. предсказывалъ возвращеніе къ прежнему режиму, имперію и даже реставрацію.

Пылкое краснорѣчіе часто руководило перомъ Песталоцци; къ этому примѣшивалась извѣстная доля поэзіи. Онъ говорилъ о своихъ несчастіяхъ, о своей страдальческой судьбѣ съ такимъ же пафосомъ, какъ авторъ «Исповѣди» разсказывалъ о бѣдствіяхъ своей жизни. Но голосъ его пріобрѣтаетъ особую горячность и живость, когда онъ разсуждаетъ о воспитаніи и объ общественныхъ интересахъ: «Мы имѣемъ, — восклицаетъ онъ,—школы для чтенія, письма, катехизиса, но мы не имѣемъ того, что является самымъ существеннымъ—школъ, создающихъ лю-

дей... Современная цивилизація походитъ на колосса, о которомъ пророкъ говоритъ: «его голова сдѣлана изъ золота, она блещетъ искусствами, она касается облаковъ». Но народное образованіе, долженствующее быть основаніемъ и поддержкой этой великолѣпной головы, уподобляется ногамъ статуи: оно сдѣлано изъ самой грубой и самой хрупкой глины... Народъ Европы несчастенъ и сиротливъ: дадимъ ему, по крайней мѣрѣ, мать!»

Песталоцци, какъ писатель, несовершенъ и запутанъ, его качества въ этомъ отношеніи побѣждаются многочисленными недостатками. Но какъ человѣкъ, онъ безподобенъ и обладаетъ почти одними добродѣтелями. Я уже не говорю о чистотѣ его нравственности, объ его самоотверженности, его дѣятельности, совсѣмъ не знавшей отдыха, объ его смѣлости: еще ученикомъ въ Цюрихѣ, ученикомъ, надъ которымъ смѣялись товарищи, онъ въ день смятенія, когда удары землетрясенія потрясали стѣны школы и классы пустовали, такъ какъ паническій страхъ овладѣлъ всѣми, оказался единственнымъ, осмѣлившимся войти въ домъ и спокойно взять свои книги. Но сколько примѣровъ дѣятельной, сверхчеловѣческой благотворительности, доходящей иногда до безумія, какъ, напримѣръ, въ Нейгофѣ и Стансѣ, онъ намъ подалъ! Однажды, встрѣтившись съ нищимъ и не имѣя ни одного су въ

карманѣ, онъ подарилъ ему серебряныя пряжки со своихъ башмаковъ, а самъ вернулся въ Цюрихъ съ разстегнутой обувью, кое-какъ перевязанной соломой. Въ другой разъ, возвращаясь отъ одного изъ своихъ друзей съ деньгами, полученными отъ того взаймы въ трудную минуту, онъ по дорогѣ отдалъ эти деньги бѣдному крестьянину, повстрѣчавшемуся съ нимъ и жаловшемуся на потерю коровы... Песталоцци былъ богатъ всего одинъ разъ за всю жизнь и то лишь въ мечтахъ. Когда издатель Котта открылъ подписку на изданіе полнаго собранія его сочиненій, послѣднее было встрѣчено очень сочувственно. Короли и философы поспѣшили принести свою дань великому педагогу, такъ что Котта обязался уплатить Песталоцци за его авторскія права 50 тысячъ франковъ. Но это богатство, на дѣлѣ, впрочемъ, порядочно урѣзанное, такъ какъ Котта не сдержалъ всѣхъ своихъ обязательствъ, явилось для Песталоцци лишь новымъ поводомъ показать свое удивительное безкорыстіе. Въ одной изъ тѣхъ рѣчей, которыя онъ любилъ произносить передъ своими собравшимися домашними, 12-го января 1818 г. онъ объявилъ, что предназначаетъ обѣщанныя ему деньги на различныя школьныя учрежденія, какъ-то на нормальную школу для преподавателей и преподавательницъ, на элементарныя школы и, наконецъ, на постоянное усовершенствованіе всѣхъ

способовъ народнаго образованія. И такъ какъ его внукъ Готтлибъ, незадолго до того пріѣхавшій въ Ивердонъ, находился тутъ же и присутствовалъ при этомъ торжественномъ пожертвованіи, несомнѣнно лишающемъ его наслѣдства, Песталоцци обратился къ нему со словами: «Ты пріѣхалъ къ намъ и объявилъ мнѣ, что хочешь быть тѣмъ, чѣмъ я являюсь... Твои слова сдѣлали меня счастливымъ—золото и серебро не могутъ заставить тебя сдѣлаться такимъ, какъ я. Только мое сердце заставило меня сдѣлаться тѣмъ, что я изъ себя представляю»...

Поклоненіе съ примѣсью состраданія, вотъ что внушаетъ этотъ несчастный великій человѣкъ всѣмъ, кто знакомится съ нимъ ближе. Въ 1781 г. ему не на что было купить бумаги для своихъ безсмертныхъ произведеній, и «Леонардъ и Гертруда» написаны на поляхъ старой счетной тетради. Нищета довела его до того, что онъ долженъ былъ для поддержанія своего существованія продавать медали, присужденныя ему швейцарскими филантроническими обществами. Въ дѣловомъ мірѣ онъ бродилъ, какъ лунатикъ. Проникнувъ въ его интимную жизнь, нельзя было не почувствовать себя тронутымъ всѣмъ тѣмъ, отъ чего ему приходилось страдать въ окружающей обстановкѣ, до его семьи включительно. Онъ, конечно, не могъ обойтись безъ своихъ сотрудниковъ, которые пополняли своими

знаніями пробѣлы въ его образованіи: онъ плохо зналъ орѳографію и не былъ твердъ въ 4-хъ правилахъ ариѳметики. Онъ могъ совершенно справедливо сказать: «Если бы Буссъ, Кузэн, Тоблеръ не пришли ко мнѣ на помощь, мои теоріи угасли бы въ моемъ сердцѣ, какъ потухшее пламя кипящаго вулкана, задержанное въ своемъ распространеніи»... Но сколько разочарованій, непріятностей и горечи испыталъ онъ отъ своихъ товарищей, ставшихъ его тиранами и сдѣлавшихъ его своимъ рабомъ! Они постоянно огорчали его своей ненавистью. «Мы положили въ основу этого учрежденія любовь, а любовь ушла отъ насъ!» Иногда онъ возмущался и въ рѣзкихъ словахъ отзывался объ учителяхъ, которыхъ, однако, любилъ: «Кюльенъ — поверхностный французъ: Кузэн — праздная собака; Шмидтъ обладаетъ манерами дикаго осла..

Нашелъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, въ подругѣ своей жизни полное утѣшеніе въ своихъ печаляхъ и скорбяхъ,—въ потерѣ своего единственнаго сына? Позволительно сомнѣваться въ этомъ. Жена Песталоцци была, безъ сомнѣнія, женщина преданная, великодушная, охотно жертвующая своимъ состояніемъ, чтобы придти на помощь смѣлымъ предпріятіямъ своего мужа. Но, повидимому, она не всегда поддерживала его своимъ довѣріемъ и окружала своими заботами. Въ трудные годы злоключеній въ Нейгофѣ она часто

отлучалась, посѣщая богатые дома своихъ подругъ, гдѣ проводила по нѣскольку мѣсяцевъ подрядъ, предоставляя несчастному мужу одному бороться со всевозможными трудностями. Послѣ неудачи и скверпаго положенія дѣлъ въ Нейгофѣ, она сдѣлалась недовѣрчивой, безпокойной, на что, конечно, имѣла причины. Нѣсколько словъ, написанныхъ ей Песталоцци изъ Станса въ 1798 г. объясняютъ многое въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. «Если я то, чѣмъ себя считаю, то ты можешь разсчитывать вскорѣ получить отъ меня помощь и поддержку. Но пока молчи! Каждое твое слово раздираетъ мое сердце. Я не могу переносить твоей вѣчной недовѣрчивости. Ты ждала 30 лѣтъ: подожди еще три мѣсяца!» Въ Ивердонѣ г-жа Песталоцци жила уединенно, занимая лишь уголокъ замка, совершенно не вмѣшиваясь въ жизнь учебнаго заведенія и въ дѣятельность своего мужа, боясь шума и волненій. Рамзауэръ, прослывшій злымъ языкомъ среди послѣдователей Песталоцци, разсказалъ нѣкоторые факты, раскрывающіе странные особенности въ отношеніяхъ супруговъ. Песталоцци садился за столъ своей жены лишь послѣ особаго приглашенія съ ея стороны. Обыкновенно онъ дѣлилъ трапезу со своими учениками. Зато каждый вечеръ онъ былъ обязанъ сыграть съ нею партію въ карты. Они не могли пробыть вмѣстѣ и 10 минутъ безъ ссоры. Между тѣмъ утверждаютъ, что они нѣж-

но любили другъ друга. Смерть жены Песталоцци, послѣдовавшая 11 декабря 1818 года, причинила пережившему супругу глубокую скорбь. Здѣсь умѣстно привести размышленія одной близкой ихъ дому особы, писавшей за нѣсколько дней до смерти г-жи Песталоцци: «они обладаютъ различными душами. Съ нею умретъ любимая жена, достойная подруга; но ни одной частицы «личнаго я» Песталоцци..

Одиночество послѣднихъ лѣтъ жизни усугубляло еще страданія бѣднаго старца, страданія, вызванныя борьбою съ тысячью заботъ и съ денежными затрудненіями. Но слишкомъ живой жалости онъ не возбуждаетъ. Въ сознаніи исполненнаго долга, въ радости, дававмой ему увѣренностью, что дѣло свое онъ совершилъ, по крайней мѣрѣ, въ большой его части, ему было дано не одинъ разъ наслаждаться душевнымъ миромъ, тѣмъ, что онъ называлъ «раемъ на землѣ». Въ немъ жило сознаніе величія его намѣреній. Всю жизнь жертвуя собою для счастья другихъ, онъ нашелъ нѣсколько часовъ счастія.

Онъ осуществилъ на дѣлѣ менѣе того, о чемъ мечталъ. Онъ посѣялъ болѣе того, что собралъ. Разсказываютъ, что во время своихъ прогулокъ онъ набиралъ полныя руки камней, минераловъ, завязывалъ ихъ въ носовой платокъ и набивалъ ими карманы; затѣмъ, возвратившись домой, этотъ безпорядочный собиратель коллекцій складывалъ

все найденное въ уголъ, какъ попало, и никогда не находилъ времени классифицировать собранный матеріалъ, составить ему каталогъ. Это служитъ нѣкоторымъ изображеніемъ того, чѣмъ онъ былъ въ своей духовной жизни. Онъ накоплялъ наблюденія, опыты, но никогда не предпринималъ опредѣленнаго сопоставленія выработанныхъ положеній. Что его характеризуетъ, что въ немъ цѣнно, такъ это скорѣе благородство стремленій и красота преслѣдуемой цѣли, чѣмъ сила исполненія задачи; скорѣе усилія, чѣмъ результаты. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ, упомянувшій изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ воспитанія лишь о Песталоцци, въ своей книгѣ «О воспитаніи»: «Песталоцци былъ умомъ частичныхъ наглядностей». Онъ самъ признавался: «Я не зналъ, что дѣлалъ, я зналъ лишь то, чего хотѣлъ». Онъ хотѣлъ посредствомъ образованія облагородить родъ человѣческій: «Единственное средство положить предѣлъ соціальному безпорядку, народнымъ волненіямъ и революціямъ, такъ же какъ злоупотребленіямъ деспотизма, это облагородить человѣка». Его поддерживала горячая вѣра въ природныя силы человѣчества и въ могущество образованія. Однако его оптимизмъ не былъ абсолютнымъ. «Рѣдко, говоритъ онъ, человѣкъ бываетъ добръ». Но онъ прибавляетъ, что виною этому служитъ дурное воспитаніе. Человѣкъ ста-

новится человѣкомъ лишь благодаря воспитанію. Подобно Руссо, за бѣдствіями и пороками современнаго общества онъ привѣтствуетъ появленіе добраго и счастливаго человѣчества, вернувшагося къ самому себѣ, благодаря воздѣйствію всеобщаго и соотвѣтствующаго законамъ природы воспитанія. «Я вѣрю,—говоритъ онъ,—въ человѣческое сердце, и съ этой вѣрой я иду по разбитой дорогѣ такъ же увѣренно, какъ я шелъ бы по прочному шоссе».

Чтобы оцѣнить по справедливости заслугу человѣка и цѣнность дѣла, надо вставить ихъ въ рамку, въ ту среду, въ которой жилъ человѣкъ, въ которой онъ трудился надъ своимъ дѣломъ. Чтобы судить о важности попытокъ Песталоцци, примемъ во вниманіе жалкое состояніе образованія въ его время: «Вопреки прекрасному виду нашей столь прославленной цивилизаціи, девять человѣкъ изъ десятя лишены права, принадлежащаго собственно каждому человѣку, живущему въ обществѣ,—права на образованіе». Свѣтъ, являвшійся привилегіей богатыхъ классовъ, совсѣмъ не освѣщалъ бѣдные классы. «Чѣмъ болѣе я наблюдаю народъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что широкій потокъ образованія, который, судя по книгамъ, течетъ для него, испаряется въ деревнѣ и въ школѣ въ видѣ темнаго и сырого тумана». Послѣ многихъ лѣтъ прогресса легко осмѣивать неудовлетворительность, убожество педагогическихъ

проектовъ Песталоцци. Если мы хотимъ быть справедливыми, подумаемъ, чѣмъ было тогда первоначальное образованіе въ Швейцаріи, «на какомъ зыбкомъ пескѣ были построены источенныя червями школы», съ какими учениками, а также съ какими преподавателями Песталоцци имѣлъ дѣло. Вспомнимъ для примѣра, какимъ образомъ его первый сотрудникъ, Крузи, сдѣлался школьнымъ учителемъ: Крузи въ 1793 г. было 18 лѣтъ, по профессіи онъ былъ разносчикомъ. Однажды онъ встрѣтилъ на большой дорогѣ чиновника, который безъ всякихъ предисловій обратился къ нему со словами: «Не желаешь ли сдѣлаться преподавателемъ? Въ школѣ въ Гэ есть вакансія».—«Но я ничего не знаю», наивно возразилъ Крузи. Его собесѣдникъ нисколько не смутился: «Ты легко научишься тому, что можетъ и долженъ у насъ знать школьный учитель». Крузи рѣшился и отправился на предписанный уставомъ экзаменъ. «Насъ было два конкурента,— разсказываетъ онъ.—Главное испытаніе состояло въ томъ, чтобы написать молитву Господню. Я постарался, насколько могъ. Я раньше замѣтилъ, что въ нѣмецкомъ языкѣ часто употребляются прописныя буквы и поэтому наставилъ ихъ всюду, даже въ серединѣ словъ. По окончаніи экзамена капитанъ Шёферъ, судья въ этомъ конкурсѣ, сказалъ мнѣ, что мой конкурентъ читаетъ лучше меня, но что я пишу лучше, однимъ словомъ, что

я принятъ». Какъ не относиться снисходительно къ преподавателямъ, которыхъ вербовали на дорогахъ и которые едва умѣли читать и писать? Какъ не отнестись также снисходительно къ педагогу, который при исполненіи своихъ великихъ проектовъ имѣлъ въ качествѣ помощниковъ лишь полуотесанныхъ учителей, самихъ нуждающихся въ обученіи и воспитаніи, прежде чѣмъ быть въ состояніи воспитывать ввѣренныхъ ихъ попеченію учениковъ. Песталоцци не былъ неправъ, сказавъ: «Нынѣшнее преподаваніе представлялось мнѣ громадной трясиной, черезъ которую я перешелъ, смѣло погрузившись въ грязь».

Слѣдовательно, ему предстояло сдѣлать все, чтобы создать элементарную школу, народную школу, современную школу, ту школу, которую едва удалось организовать въ цивилизованныхъ странахъ за 100 лѣтъ усилій. Песталоцци началъ дѣло, и его послѣдователямъ не слѣдовало бы забывать, чѣмъ они обязаны его геройскому побужденію. Онъ положилъ начало всеобщей школѣ, школѣ, открытой для всѣхъ дѣтей, школѣ, независимой отъ церкви. Песталоцци является однимъ изъ первыхъ свѣтскихъ преподавателей. Въ послѣднихъ частяхъ «Леонарда и Гертруды» онъ дерзко подчиняетъ пастора школьному учителю. И въ поясненіе онъ говоритъ, что *одни міряне способны подготовить людей для семейной и общественной жизни.* Резюмируя разговоръ ду-

ховнаго лица съ преподавателемъ, онъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Такъ говорилъ человѣкъ, сила котораго заключалась въ знаніи свѣта, священнику, безсиліе котораго происходило оттого, что онъ не зналъ свѣта».

Бѣдный и странный великій человѣкъ, въ одно и то же время дѣтски простой и величественный, мѣшковатый въ манерахъ и жестахъ, но вызывающій удивленіе своими намѣреніями и своими поступками! Его современники часто осмѣивали его. Въ Цюрихѣ товарищи по школѣ называли его «чудакомъ», сосѣди въ Нейгофѣ — «мечтателемъ», даже его друзья, огорчаемые его неумѣлостью въ практическихъ дѣлахъ, говорили, что онъ умретъ въ госпиталѣ или сумасшедшемъ домѣ. Но оскорбленіе, насмѣшки, неудачи и несчастія, все скользило по его отважной душѣ, не нарушая ея рвенія и бодрой ясности. Онъ шелъ до конца, улыбаясь въ лишеніяхъ, не требуя ничего, кромѣ возможности жить подъ соломенной кровлей и преслѣдовать тамъ свою мечту, нечувствительный къ невзгодамъ, неукротимый и терпѣливый. Скромно утверждая что онъ лишь пытается осуществить на практикѣ «то, чему здравый смыслъ училъ людей въ продолженіи тысячелѣтій», онъ не скрывалъ отъ себя несовершенства своей неоконченной работы. «Испробуйте, — говоритъ онъ въ «Лебединой пѣснѣ», своемъ педагогическомъ завѣщаніи, —

испробуйте все то, что я предлагаю, и удержите то, что хорошо. Если какая-нибудь лучшая мысль созрѣетъ въ вашихъ душахъ, присоедините ее къ тому, что я старался дать вамъ въ духѣ истины и любви; но, ради Бога, не отбрасывайте безъ разбора и цѣликомъ всего дѣла, какъ заранѣе осужденную химеру!...»

Нѣтъ, его цѣль не была химерой. Если онъ ея не достигъ, то указалъ своимъ послѣдователямъ дорогу для достиженія ея. Онъ не забывался въ безплодныхъ мечтаніяхъ. Руссо со своимъ мечтательнымъ человѣколюбіемъ, со своими платоническими порывами кажется ничтожнымъ рядомъ съ этимъ дѣятельнымъ филантропомъ, который не довольствовался тѣмъ, что писалъ, но дѣйствовалъ, и дѣла котораго соотвѣтствовали его мыслямъ. Не будьте къ нему суровы за то, что онъ не сумѣлъ точно опредѣлить своего метода. Онъ самъ былъ методомъ со всей своей живостью, со всѣмъ своимъ неутомимымъ энтузіазмомъ. Онъ останется «единственнымъ», какъ говорилъ его другъ Лафатеръ. Его жизнь не была потеряна, хотя бы благодаря тѣмъ примѣрамъ, которые она намъ оставила; его сердце билось не напрасно въ продолженіи 60-ти лѣтъ за одну идею. Его всемогущая любовь еще при его жизни покоряла всѣхъ, кто къ нему приближался, и его чувства, сообщенныя душамъ даже черезъ извѣстный промежутокъ времени, способны возбудить благородное соревнованіе и сдѣлать призва-

ніе преподавателя прекраснымъ и возвышеннымъ. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были его пробѣлы, его дѣло остается дѣломъ возвышеннаго разума, всюду и всегда поддерживаемаго безконечной нѣжностью.

Королева Луиза Прусская, страстная поклонница Песталоцци, выразилась о немъ: «Какъ этотъ человѣкъ любитъ человѣчество! Я благодарю его отъ имени человѣчества». Все потомство должно присоединиться къ этой благоговѣйной благодарности и благодарить его отъ имени невѣжественнаго человѣчества, которое онъ хотѣлъ просвѣтить, отъ имени несчастнаго и страждущаго человѣчества которое онъ хотѣлъ поднять которому хотѣлъ помочь, научивъ его ремесламъ, пріучивъ къ бережливости и честности.

Песталоцци воскликнулъ однажды, любуясь живописными пейзажами горъ и долинъ своей родины: «Да, природа прекрасна!» ,—и эти слова особенно справедливы по отношенію къ Швейцаріи, странѣ, которую природа расточительно наградила своими чудесами, давъ Альпамъ озера, омывающія ихъ подножья и похожія на зеркала, отражающія и умножающія ихъ красоты,—«да, природа прекрасна, но есть нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ природа и ея земное великолѣпіе, это—человѣческое сердце».

«Да,—скажемъ мы,—если это сердце Песталоцци».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

1. (Стр. 1). Изъ статей Гербарта, посвященныхъ Песталоцци, самая замѣчательная: Pestalozzi's Idee eines ABC des Anschaungsunterricht und wissenschaftlich ausgeführt, Göttlngen, 1802.

2. (Стр. 21). Эта мысль развивается въ „Письмахъ о воспитаніи бѣдной сельской молодежи". (Изданіе Seyffarth'a, т. VIII).

3. (Стр. 23). Елизавета Нефъ, вышедшая впослѣдствіи (1802) замужъ за М. Крузи, брата перваго сотрудника Песталоцци, послужила прототипомъ Гертруды въ извѣстномъ романѣ Песталоцци „Леонардъ и Гертруда".

4. (Стр 26). Въ непзданныхъ рукописяхъ Песталоцци найдены еще двѣ дополнительныя части романа „Леонардъ и Гертруда": пятая, трактующая о государствѣ, и шестая, чисто педагогическая.

5. (Стр. 103). Вѣроятно, авторъ имѣетъ здѣсь въ виду Главный Педагогическій Институтъ (1816) съ „благороднымъ пансіономъ" при немъ (1817). *Примѣчаніе редактора перевода.*

6. (Стр. 105). The Teacher's Institute, февр. 1901.

7. (Стр. 108). *Hérisson*, Pestalozzi, élève de Rousseau. Paris. 1886. — *Hoffmeister*, Comenius und Pestalozzi als

Begründer der Volksschule. Berlin. 1877. — *Beust*, Die Grundgedanken von Pestalozzi und Froebel. Zürich. 1881.—*Vogel*, Herbart oder Pestalozzi? Hannover. 1887.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ.

Русскій переводъ избранныхъ сочиненій Песталоцци напечатанъ въ „Педагогической Библіотекѣ“, издаваемой въ Москвѣ *Адольфомъ* и *Тихомировымъ*.

Полное собраніе сочиненія Песталоцци:

Изд. *Cotta*, Sämmtliche Schrifften, Stuttgart und Tübingen. 1819—1826. 157.

Изд. *Seyffarth*, Sämmtliche Werke, Brandenburg, 1869—1872. 18 томовъ. (Новое изданіе выходитъ съ 1899 г.).

Главнѣйшія сочиненія о Песталоцци:

Roger de Guimps. Histoire de Pestalozzi, de sa pensée et de son oeuvre. Lausanne. 1874.

Pompée. Etudes sur la vie et les traveaux pédagogiques de I. H. Pestalozzi. Paris. 1878.

Guillaume. Pestalozzi. Paris, Hachette. 1890.

Pinloche. Pestalozzi et l'éducation populaire moderne. Paris, Alcan. 1902.

Ramsauer. Kurze Skizze meines pädagogischen Lebens. Oldenburg. 1838.

Hunziker. Geschichte der schweizerischen Volksschule. Zürich. 1881.

Herbert Quick. Educational Reformers. New-York. 1893.

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА»

подъ редакціей А. П. НЕЧАЕВА.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Выпускъ первый. **Компейре.** Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Переводъ Л. В. Степановой. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Выпускъ второй. **Компейре.** Песталоцци и элементарное воспитаніе. Переводъ С. М. Виноградовой. Спб. 1904. Ц. 50 к.

ВЫЙДУТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ:

Выпускъ третій. **Педагогика и педологія.** Сборникъ статей.

Выпускъ четвертый. **Гросъ.** Душевная жизнь ребенка. Переводъ съ нѣм.

При изданіи «Педагогической Библіотеки» имѣется въ виду дать родителямъ и педагогамъ коллекцію сочиненій, знакомящихъ въ популярной формѣ съ современнымъ положеніемъ научной педагогики.

БИБЛИОТЕКА
Акад. Наук СССР

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. П. КАРБАСНИКОВА:

(С.-Петербургъ, Литейный пр., 46).

Тамъ же продаются сочиненія:

Г. Компейре. Спенсеръ и научное воспитаніе. Перев. А. В. Степановой. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Александра Нечаева. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Александра Нечаева. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Труды по экспериментальной педагогической психологіи слушателей Педагогическихъ Курсовъ Военно-учебн. Вѣдомства, подъ ред. *Александра Нечаева.* Вып. I: Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ (Спб., 1901. Ц. 25 к.). Вып. II: Умственная усталость; развитіе памяти; развитіе воли и пр. (Спб. 1902. Ц. 60 к.).

Цѣна 50 коп.

3

БАН СССР
15
12552 г)